

Ключ от незапертой двери

Автор:

Людмила Мартова

Ключ от незапертой двери

Людмила Мартова

Когда у Василисы Истоминой завязались бурные отношения с режиссером Вахтангом, она просто летала от счастья. Но через несколько лет от этого, казалось бы, идеального романа не осталось и следа из-за вздорного, непостоянного и собственнического характера Вахтанга. Василиса тяжело пережила расставание и постепенно пришла в себя, но известие о гибели бывшего возлюбленного все равно стало для нее страшным ударом. Вахтанга убили в глухом лесу близ селения Авдеево, и так случилось, что его тело обнаружила сама Василиса. Подозрения в совершении убийства в первую очередь пали на нее, однако вскоре следствие оставило девушку в покое. Но она уже поняла, что не успокоится, если сама не отправится в Авдеево и не узнает, что же на самом деле произошло с Вахтангом...

Людмила Мартова

Ключ от незапертой двери

© Мартова Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Моему самому лучшему в мире папе Владимиру Зарецкому, чью любовь я
ощущаю с раннего детства и до сих пор.

Моей подруге Ирине в память о ее удивительном папе Людвиге Бенке.

Все события вымышлены

Любые совпадения случайны

Две молодые головы

на «ты» шептались в прошлом счастье,

и поцелуй был как причастие...

Но я с тобою попрощаться

хотел бы все-таки на «вы».

В колодце плавает звезда

и хочет выбраться на небо,

а я не выберусь, наверно,

но грустно и благоговейно

благодарю Вас навсегда.

Боялись оба мы тогда

в избушке скрытной и скрипучей,

накрытой, как тулупом, тучей.

Вы – незаслуженный мой случай.

Благодарю Вас навсегда.

Мне камышами Ваше «да»

ночное озеро шепнуло.

Тень белая ко мне шагнула,
да так, что ходики шатнуло.

Благодарю Вас навсегда.

Туман баюкала вода,
и надвигались ваши очи,
которых нет смелей и кротче.

Сестра родная белой ночи,
благодарю Вас навсегда.

Не страшно Страшного суда.

Не страшно мне суда мирского...

Быть благодарным – так рисковно.

Ржавеет счастье, как подкова.

Готов к несчастьям – что такого!

Но я готов и к счастью снова...

Благодарю Вас навсегда.

Евгений Евтушенко

Глава 1. Человек в лесу

Нужно уметь уживаться со своим прошлым.

Мадонна

Наши дни

В лесу родилась елочка... В лесу она росла... Почему-то строки именно этой старой, основательно забытой детской песенки вспомнились Васе при виде мелькающих за окном вагона елей, подкрадывающихся к самому краю железнодорожной насыпи и стремительно, будто в испуге, отбегающих подальше от грохочущего поезда.

На самом деле Васю звали Василисой. Таким чудным именем, заставляющим упражняться в остроумии всех без исключения знакомых, ее тридцать лет назад наградили мама с бабушкой. Имя досталось ей в наследство от деда, умершего задолго до ее рождения. Бабушка обожала мужа, а мама – отца, и оттого, что в их домике по-прежнему звучало нежное «Васенька», бремя невыносимой утраты становилось чуть легче. Именно поэтому дочка и внучка была не в претензии, что ее кличут, как соседского кота. Вася так Вася.

В конце концов с ней в одном классе училась девочка, которую звали Анжелика Егоровна, а на год старше – Инесса Степановна, что, на ее взгляд, звучало гораздо смешнее, чем Василиса Александровна. Какого Александра мама вписала в ее метрику, она не знала. Отца у Василисы не было. Сколько она себя помнила, они всегда жили втроем. Она, мама и бабушка.

За окнами промелькнули сказочные голубые купола Сергиева Посада. Эту часть дороги от своего города до Москвы Василиса любила больше всего. Поезд выезжал со станции, убыстрялся, набирая ход, и пассажирам открывался чудесный вид на зеленые лощины, покрытые редкими перелесками. Рельеф здесь был холмистый. То высоко-высоко над головой, на верху отвесного котлована, по дну которого мчался поезд, оказывались деревья, то, наоборот, насыпь стремительно взмывала чуть ли не в небо, и теперь уже зеленые поля и перелески виднелись внизу, уплывали под ногами, как в фантастическом фильме.

У-ух, и снова поезд оказывался в глубокой яме, устремляясь к центру земли и теряя последнюю надежду на спасение. А-ах, и снова взмывал вверх, открывая везде, куда хватало глаз, необъятную зелень простора. В какой-то момент холмы кончились, дорога выровнялась, следить за происходящим стало менее интересно, и Василиса предалась другой своей любимой поездной забаве – сквозь оконное стекло пыталась высмотреть в мелькавшей лесной чаще гриб на опушке.

Однажды, когда Вася была маленькая, они ехали на море, в Крым, и мама тоже как зачарованная смотрела в окно и вдруг закричала: «Гриб, гриб!» Василиса метнулась к окну так стремительно, что стукнулась с мамой лбом, ойкнула, схватилась за ушибленное место и вдруг тоже увидела толстый упитанный боровичок, спрятавшийся в траве у крайней березы. Это казалось невозможным на той скорости, на которой мчался поезд, но они это видели, и с тех пор, когда Василиса ехала куда-то по железной дороге в светлое время суток и летом, она всегда высматривала гриб, наверняка встречающий ее у насыпи, чтобы передать привет из детства. Правда, увидеть его во второй раз у нее пока не получалось.

Густой лес за окном поредел, готовясь смениться очередным лугом, посредине которого, как помнила по прошлым поездкам Вася, располагалась довольно большая и явно жилая деревня. Просветы между деревьями становились все больше, поезд немного снизил скорость, подчиняясь приказу неведомого пассажирам диспетчера, и между стволов Василиса отчетливо разглядела что-то большое и темное.

Вначале ей показалось, что это лось. Как человек, который родился и вырос в деревне, она прекрасно знала, что в начале июня у лосей гон. Появляются на свет маленькие лосята, им становится тесно в лесу, они выходят к насыпям автомобильных дорог и к железнодорожному полотну тоже. Правда, мчащиеся мимо поезда, грохочущие колесными парами, их не на шутку пугают, так что увидеть лосей можно только как сейчас, в промельке между деревьями. А вот автодороги, запах бензина и горящие фары машин привлекают их гораздо сильнее, так что и аварий, уносящих человеческие жизни, в это время года довольно много. Гораздо больше, чем хотелось бы.

Об этом Василиса знала не понаслышке, потому что работала врачом-анестезиологом в областной больнице да еще подрабатывала на «Скорой», так что последствия этих самых аварий видела каждое дежурство.

Поезд снова увеличил скорость, разгоняясь, из окна вагона уже не видно было оставшегося позади леса, когда в сознании Василисы вдруг что-то щелкнуло, пазл сложился, и она поняла, что увиденное ею большое и темное на самом деле было человеком, ничком лежащим на траве, уткнувшись головой в ствол березы.

Василиса Истомина была врачом. Несмотря на ее молодость, понятия «врачебный долг» и «клятва Гиппократова» не были для нее пустым звуком, анахронизмом, давно вышедшим из обихода однокурсников и коллег и

оставшимся в далеком прошлом, когда врачи еще действительно лечили, а не заполняли талоны статучета, чтобы отчитаться перед Фондом обязательного медицинского страхования.

Человек, лежащий в лесу, нуждался в медицинской помощи, а потому, вскочив со своей полки и бросившись к купе проводника, она даже не подумала о том, что увиденное грозит лично ей какими-то неприятностями. Впрочем, если бы и подумала, то все равно поступила бы точно так же.

– Вызовите начальника поезда! – бахнула она с порога, заставив пожилую и очень тучную проводницу посмотреть на нее в немом изумлении, тут же сменившемся подозрением.

– Что случилось? – лениво, но с зарождающейся агрессией спросила проводница, глядя на взволнованную блондинку с короткой стрижкой.

– Нужно сообщить на ближайшую станцию. Там в лесу человек. Ему плохо. Нужно «Скорую» вызвать или спасателей.

– В каком лесу, девушка? Вы что, белены объелись?

– Я видела в окно, что в лесу лежит человек. Предположительно без сознания. Я врач, я понимаю, о чем говорю, – нетерпеливо продолжила Василиса, начиная бояться, что ей не поверят. – Это было сразу перед последней деревней. Сообщите, пожалуйста. Возможно, ему можно помочь.

Несмотря на маленький рост и субтильную внешность, Василиса Истомина обладала решительным характером, доставшимся ей, как и имя, в наследство от деда. Благодаря ее железной воле был вызван начальник поезда, который выслушал историю про увиденного в лесу человека, позволил себе усомниться, что на такой скорости неумная пассажирка могла что-то рассмотреть, но все же связался по имеющейся у него связи со станцией и передал необходимое сообщение. Данные слишком активной пассажирки он тщательно записал в блокнот. Василиса послушно продиктовала, как ее зовут, дала номер телефона и указала место работы.

– Теперь все, – недовольно бросил начальник поезда шепотной пассажирке, из-за которой чувствовал себя довольно глупо. Врач она, видите ли. И чего не сидится

спокойно?

– Спасибо вам большое, – вежливо сказала Василиса, довольная тем, что выполнила свой долг. – Возможно, мы с вами спасли чью-то жизнь.

«Точно, ненормальная, – начальник поезда проводил взглядом хрупкую фигурку, скрывшуюся за дверью купе, и, выразительно посмотрев на проводницу, покрутил пальцем у виска. – Хотя – чем черт не шутит? Вдруг и впрямь не померещилось ей».

1941 год

Вася просыпался плавно, будто не торопясь, всплывал на поверхность после глубокого нырка. Еще шумела в ушах вода, еще не разлипались глаза, не пуская непрошенные капли, стекающие с мокрой после реки головы, где-то на берегу звонил колокол, раскачиваемый прибежавшими на речку мальчишками, балующимися на колокольне заброшенного храма, когда он рывком сел на кровати, помотал головой, отгоняя сонную одурь, и посмотрел на часы.

На часах было без десяти двенадцать. Спать до полудня ему было в диковинку, но и лег он около шести утра. Вчера в медицинском институте, который он окончил с отличием, был выпускной вечер. Сначала молодым врачам вручили выстраданные дипломы о высшем медицинском образовании, потом звучали торжественные речи под большим портретом товарища Сталина, которому они были обязаны не только своими дипломами, хрустящими коленкоровыми корочками, но и всем хорошим в своей молодой, но полной надежд жизни.

Потом пили сельтерскую воду с сиропом, ели пирожки с картошкой и вареньем, танцевали под патефон, а позже пошли бродить по Ленинграду, наслаждаясь молодостью, брызжущей через край энергией и белыми ночами.

По традиции посмотрели на развод мостов, искупались в ночной Неве, перелезли через решетку Летнего сада, просто так перелезли, дурачась и веселясь, а потом с хохотом убегали от сторожа, длинно дуящего в свисток.

Как-то незаметно все разбились на парочки. За годы обучения пар на их курсе сложилось немало. Влюбленные шушукались, целовались, держались за руки, и Васе стало немного грустно от того, что его трудная любовь остается безответной.

Ее звали Анна Битнер. Белокурая, статная, она жила неподалеку от Васи и была старше его на три года. С ее точки зрения, это обстоятельство делало роман между ними невозможным. Вася же считал, что это форменные глупости, и продолжал ухаживать за фройляйн Битнер со всем пылом, на какой только был способен.

Василий Истомин был хорош собой: высокий, атлетически сложенный, с густыми темными волосами и ясными серыми глазами, обрамленными пушистыми ресницами, которым завидовали многие девчонки, он вызывал неизменный интерес у женского пола. Он знал, что по нему сохнут как минимум три однокурсницы, девственником давно не был, регулярно навещаясь в общежития ткацкой фабрики, но по-настоящему ему нравилась только Анна.

Она была младшей сестрой его друга детства Генриха Битнера. Сколько Вася себя помнил, Генрих всегда находился рядом – высокий, худой, нескладный, немного сутулый. Разница в десять лет их обоих нисколько не смущала. Рассудительный отличник, пионер, затем комсомольский активист Василий Истомин, отличающийся богатырским здоровьем, иногда выглядел даже старше своего худосочного, болезненного друга, не мечтавшего о высшем образовании и после семилетки устроившегося на фабрику «Скороход», где он и работал уже восемнадцать лет. Полгода назад Генрих женился. Его жена, маленькая, кругленькая, очень хозяйственная и домовитая немка Магда, относилась к мужу немного покровительственно.

Дом Истоминых располагался на Александровской, в 1940 году переименованной в Печорскую. Практически за углом находилась колония Гражданка, в которой оседло жили немцы. Маленький, аккуратный, уютный домик семьи Битнеров и домик родителей Магды Шеффер стояли по соседству. Здесь практически не чувствовалось дыхания большого города, величественный Ленинград высился немного в стороне, а здесь, на Гражданке, разводили коров и свиней, распахивали картофельные поля и сажали огороды.

Трудно было найти двух более непохожих людей, чем Генрих и Вася, однако дружили они крепко, всегда находя темы для разговоров. В семье Битнеров

много читали, и как ни стыдно Василию было в этом признаваться, знакомству с великой русской литературой он был обязан немецкой семье своего друга. Также от Генриха он узнал про Гёте и Гейне, Шиллера и Райнера Марию Рильке. Многих из них Василий прочел в подлинниках, потому что благодаря Генриху бегло говорил по-немецки. Точнее, благодаря Анне, которая, дразня его, часто переходила на немецкий. Проявив упорство, он выучил его, чтобы говорить с ней на родном для нее языке. Всегда, когда он думал про Анну, он почему-то вспоминал белые ночи. Она была неуловимо похожа именно на белую ночь – светлую, немного томную, полную невыразимого очарования, ускользающую и заставляющую вспоминать о себе весь следующий год.

Поймав себя на том, что мысли привычно соскочили на Анну, Вася снова помотал головой и спустил ноги с кровати. В дверь стучали. Колокол из сна, разбудивший его, оказался настойчивым, повторяющимся, тревожным стуком в дверь, распахнув которую Василий уставился во взволнованное лицо Генриха Битнера.

– Ты чего? – добродушно спросил он, отступая в прихожую, чтобы друг мог пройти. – Случилось чего? Да ты заходи. Я просто только проснулся. Выпускной отмечали до утра. Генка, да что с тобой, на тебе лица нет!

– Война, – с трудом выговорил бледный Генрих, губы которого прыгали, не в силах выговорить ужасное слово. – Сегодня в четыре часа началась. Германия бомбила территорию Советского Союза, по радио объявили. Васька, что же теперь будет, а? – и, не в силах сдержаться, Генрих заплакал, размазывая слезы по лицу не очень чистым кулаком.

– Вот черт! – Василий тоже сжал руку в кулак и стукнул по дверному косяку с такой силой, что на пол посыпалась какая-то древняя труха. – Плохо будет, Генка. Война – это всегда плохо. Ч-черт. Надо в военкомат идти. Я же военнообязанный.

– Нас всех убьют, – Генрих всхлипывал, дрожа.

– Да ладно тебе. Мы, несомненно, победим. Война будет короткой. Месяц, максимум полгода. Ты же знаешь, что Красная армия – самая непобедимая в мире. Все хорошо будет, Генка.

– Ничего не будет хорошо, – Генрих уже не плакал, только крупная дрожь по-прежнему сотрясала его тело. – Особенно у нас. Мы же немцы, ты что, Васька, не понимаешь? Нас всех арестуют. И отца, и маму, и меня, и Магду, и Анну.

Слово «Анна» отозвалось в груди Василия болезненным толчком сердца, запрыгавшего в ускоренном темпе, что оно, впрочем, делало всегда при упоминании этого имени. К остальным словам Генриха он, что называется, не пристал, потому что они казались ему невыносимой глупостью.

– Да брось ты, – миролюбиво бросил он. – Никто вас не арестует, вы же к Гитлеру никакого отношения не имеете. Тебя по состоянию здоровья даже в армию не возьмут. Так что останешься в Ленинграде вместе с молодой женой. Заодно и за Анной присмотришь.

– Зря она за тебя замуж не выходит! – неожиданно бухнул Битнер, и сердце Василия снова заметалось в груди, как подстреленный заяц. – Дура она, счастья своего не понимает. Ты бы был ей хорошим мужем.

– Чего сейчас об этом говорить, – голос Васи звучал по-прежнему спокойно. – Меня-то точно в армию заберут. Так что свататься приду уже после войны. Глядишь, не выгонит. Ладно, ты иди сейчас, Генка, я быстро соберусь и в институт сгоняю, узнать, что к чему.

До выхода из дома пришлось не только наскоро умыться и выпить чаю, но и дать корм пороссятам, которые жалобно пищали на дворе, не понимая, почему хозяин так припозднился их кормить. Вообще-то это была не его забота, но неделю назад родители уехали в Белоруссию, проведать жившую там бабушку, и все заботы по хозяйству легли на Васины плечи.

Включив радио и прослушав повторяющееся с утра сообщение, зачитываемое диктором Левитаном, он с тревогой подумал, что немцы с утра бомбят как раз территорию Белоруссии.

Отгоняя тревожные мысли, он наполнил тяжелую деревянную бадью, стоящую в загоне, насыпал корма курам и уткам, натянул штаны и тенниску, запер дом и быстрым шагом направился к институту. Что делать дальше, нужно было решать вместе с друзьями.

Наши дни

Сегодня вечером Вася шла в театр. Вообще-то она приехала в Москву специально для того, чтобы неделю отпуска потратить на театры, музеи и просто прогулки по старым улочкам внутри Садового кольца.

Москву она знала хорошо и очень любила. Когда-то даже собиралась учиться именно в Москве. Вернее, сначала в ее планах значился Первый питерский мед, который оканчивал дед. В Питере, точнее тогда еще Ленинграде, Вася побывала в пятилетнем возрасте и ничего, кроме фонтанов Петергофа, не запомнила.

В Ленинград ее привезла бабушка, которая мечтала своими глазами увидеть город, в котором родился и прожил большую часть своей жизни ее обожаемый муж. Сколько потом Вася ни просилась туда, уже учась в школе, столько мать под любыми предлогами отговаривалась, лишь бы не ездить в Питер. Да и бабушка, раз побывав, тоже больше не выказывала ни малейшего желания туда возвратиться. Свое мнение она составила, большего ей не требовалось.

Именно поэтому, заканчивая школу и готовясь поступать в медицинский, Василиса объявила родным, что учиться будет в Питере. И встретила жесткий и решительный мамин запрет.

– В Ленинград ты не поедешь, – сказала как отрезала ее обычно мягкая и ласковая мама.

– Почему? – изумилась Василиса. – Ты же сама туда поступала, почему же ты не хочешь, чтобы я окончила твой институт? И дедушкин!

– Не хочу, и все, – мама была категорична и непреклонна. – Если тебе так приспичило учиться в столицах, поезжай в Москву. Вот где город больших возможностей.

Именно так Вася и сделала. Назавтра после выпускного в школе, где она получила свою заслуженную золотую медаль и аттестат с одними пятерками, сложила в рюкзачок чистое белье, зубную щетку, папку с необходимыми документами, кошелек со скромными сбережениями, которые к ее поступлению накопила мама, натянула поверх заправленной в старенькие джинсы футболки

шуршащую непромокаемую курточку, пешком дошла до автостанции в родном Погорелове, где окончила школу и куда каждый день ходила по полям по десять километров в одну и другую сторону, на рейсовом автобусе доехала до райцентра и там села на проходящий поезд Архангельск – Москва.

Мама в тот момент, когда она собиралась, была на работе, а бабушка недоглядела за внучкой, поэтому пакет с заботливо собранными на дорогу пирожками и стеклянной бутылкой молока, заткнутой газетой и завернутой в полиэтилен, так и остался в снях. Хватилась его Вася только в Вологде, когда голодный желудок напомнил о том, что в последний раз она ела только утром.

Поезд стоял на третьем пути, бежать в видневшийся вдали киоск за пирожками было страшно, и Василиса маялась еще четыре часа, пока наконец не случилась большая остановка в том городе, которому по воле судьбы было суждено стать ее пристанищем на долгие годы.

Выскочив из вагона, она побежала к видневшемуся невдалеке стеклянному кафе. Конечно, по перрону ходили бабульки, толкающие перед собой детские коляски, доверху наполненные всякой снедью, но к тому моменту Вася была уже голодна так сильно, что мечтала о чем-нибудь более существенном, чем пирожок с чаем.

В привокзальной стекляшке в холодильной витрине стоял заветренный салат из капусты, при виде которого у Василисы помутилось в голове. Она взяла и салат, и холодную, покрытую толстым слоем жира котлету, и два кусочка хлеба, и жареный пирожок с картошкой, и стакан сладкого растворимого кофе с молоком. После чего, урча от наслаждения, стала быстро поглощать все это великолепие, пристроившись за столиком у окна, чтобы видеть поезд, покорно ожидавший ее на первом пути.

Ей было так вкусно, что она решила взять еще одну котлету с хлебом в дорогу, чтобы потом поесть перед самой Москвой и, заселившись в общежитие, уже не думать об ужине. Расплатившись, Вася вышла на крыльцо кафе и не сразу поняла, что произошло. Поезд, на котором она ехала в Москву поступать в институт, ушел. Первый путь был свободен, и лишь красные огни исчезали вдалеке, расплываясь в непрошенных слезах, навернувшихся на глаза.

Положение ее было аховым. Денег в кошельке (какое счастье, что она побоялась оставить рюкзачок без присмотра в купе, а значит, все ее вещи сейчас были при ней) хватало лишь на то, чтобы продержаться в чужом городе во время вступительных экзаменов. Обратный билет домой был куплен заблаговременно и лежал в паспорте. Конечно, купить новый билет до Москвы она могла, но тогда две недели пришлось бы жить в столице впроголодь.

Выросшая в деревне Василиса была хозяйственной и обстоятельной. Вариант две недели питаться хлебом и водой ее не устраивал, поэтому, немного подумав, она не стала покупать билет на следующий поезд, а отправилась искать выход на привокзальную площадь. В городе, в котором она так неосмотрительно отстала от поезда, тоже был мединститут. Это она знала еще с той поры, когда листала справочники для поступающих, выбирая вуз и прикидывая, где же ей все-таки учиться. То, что это будет медицинский, сомнений не вызывало, а вот с географией она помучилась изрядно, решая, замахиваться на Москву или все-таки выбрать что-нибудь попроще.

Несмотря на золотую медаль, ее образование в маленькой сельской школе вряд ли могло котироваться в знаменитом московском институте, куда приезжали со всей страны и где, несмотря на падение престижа медицинской специальности, конкурс все равно был достаточно солидным. Сейчас судьба давала ей знак, которым следовало распорядиться осмотрительно. Поэтому, выйдя на автобусную остановку, Василиса Истомина выяснила, как добраться до мединститута, и до конца дня даже успела сдать документы в приемную комиссию и получить направление в общежитие.

Было это тринадцать лет назад. За прошедшие годы Вася не только успела окончить институт и устроиться на работу, но и стала неплохим врачом, пользующимся любовью и доверием пациентов, привыкла к этому городу, выросла в него, обзавелась пусть и однокомнатной, но собственной квартирой и даже перевезла маму с бабушкой, которые теперь жили в такой же однокомнатной квартире в соседнем доме. Расставаться надолго женщины семьи Истоминых не любили.

О том, что в семнадцатилетнем возрасте она отстала от поезда, Василиса не жалела. При ее провинциальной скромности она вряд ли смогла бы так же комфортно устроиться в шумной и опасной Москве. Здесь же уже со второго курса она начала подрабатывать санитаркой в родильном доме, а чуть позже – фельдшером на «Скорой». Уже имея квартиру и постоянную прописку, после

института она легко нашла работу в областной больнице, где и прошла интернатуру.

До Москвы с ее заманчивыми огнями было недалеко, поэтому Вася еще в студенчестве часто выбиралась туда – побродить по Красной площади и залам Третьяковки, затаив дыхание, записаться в библиотеку имени Ленина, постоять на Воробьевых горах, своими глазами увидеть место, где Воланд встретился с Берлиозом, где Аннушка пролила масло и где сидела на скамейке Маргарита Николаевна, теребя в руках желтые цветы. Василиса знала и любила Москву, но была рада, что живет в более тихом месте. Уж не говоря о том, что о собственной квартире в столице мечтать все равно не приходилось.

Так случилось, что несколько лет назад она заделалась заядлой театралкой. И часто ездила в столицу специально, чтобы посмотреть тот или иной спектакль. В театры Питера она тоже выбиралась, успев полюбить и город на Неве, невидимыми нитями связывающий ее с дедом, которого она никогда не видела.

Василиса нашла улицу Печорскую, на которой когда-то жил Василий Истомин и на которой теперь остался только один дом. По проспекту Непокоренных добралась до Пискаревского кладбища, пытаясь представить, как все здесь выглядело в далеком сорок первом году, когда дед отправлялся на фронт.

В общем, она теперь любила обе российские столицы, но Москва была ближе, поэтому туда она ездила чаще. Вчера Василиса с удовольствием погуляла вокруг своего мини-отеля на Чистых прудах, сегодня с утра съездила в Центр современного искусства к метро «Баррикадная» и теперь собиралась в театр имени Маяковского на спектакль «Маэстро».

Она как раз гладила юбку, которую собиралась надеть, когда зазвонил телефон.

– Алло, – прижав трубку к уху, она продолжала гладить, машинально отметив, что высветившийся на экране номер мало того что незнакомый, так еще и московский.

– Истомина Василиса Александровна? – Голос был тоже незнакомый, хриплый, с ленцой и протяжным аканьем, выдающим московское происхождение звонящего. В родной Вологодской области, где она родилась и выросла, к примеру, окали, и Василисе понадобилось немало времени, чтобы вытравить из

собственной речи родной с детства диалект.

- Да... - Василиса вдруг испытала легкую тревогу, хотя в голосе вроде не слышалось угрозы.

- Транспортная полиция вас беспокоит. Вы могли бы подъехать к нам, чтобы ответить на наши вопросы?

- Какие вопросы? - изумилась Василиса.

- Ну, к примеру, откуда вы узнали, что в лесу у деревни Авдеево произошло убийство?

- Что??? - Васе показалось, что она ослышалась. - Какое убийство?

- Василиса Александровна, вчера вы сообщили начальнику поезда Архангельск - Москва, что увидели тело, лежащее в лесу...

- Да, но я не знала ни о каком убийстве. Я просто увидела в окно человека и решила, что ему плохо. Вот и все.

- Вы считаете, что в это возможно поверить? Вы Агату Кристи начитались, уважаемая Василиса Александровна?

- При чем тут Агата Кристи? - Вася начала сердиться.

- Это у нее в каком-то детективе героиня увидела в окно поезда, как в идущем рядом составе кого-то убивают. Видеть тело вы не могли, но о том, что оно там, все-таки сообщили. Кто вам приказал это сделать?

- Да никто мне ничего не приказал! - вконец рассердилась Василиса. - Я действительно увидела, что в лесу лежит человек. - Она хотела рассказать про детскую игру в гляделки, помогающую увидеть гриб, но поняла, что об этом говорить не стоит. Ее не поймут и примут за сумасшедшую. - Конечно, я не сразу поняла, что увидела. Мне понадобилось время, чтобы мозг зафиксировал, что там лежит человек. Я врач и была уверена, что ему плохо. Вы можете мне не верить, но это действительно так. И вообще, откуда у вас мой телефон?

Задав этот вопрос, она тут же вспомнила, что давала свои координаты начальнику поезда, который не хотел возможных неприятностей, а потому «перевел стрелки» на нее.

– Нам нужно снять с вас показания, – с прежней ленцой произнес голос в трубке. В его исполнении это прозвучало как «па-а-казания». – Если вы не согласитесь прийти к нам добровольно, то вас вызовут повесткой по месту вашего жительства. Но поверьте, это будет хуже.

– Да я вовсе не собираюсь прятаться от правосудия, – заверила Василиса. – Мне совершенно нечего скрывать. Сегодня я иду в театр, поэтому готова приехать по указанному вами адресу завтра с утра. В Москве я планирую пробыть еще три дня, так что вы сможете задать мне все интересующие вас вопросы. Кстати, а можно мне задать один вам?

– Задавайте, – разрешила трубка.

– Вы сказали, что в том лесу произошло убийство. А кого убили?

– Да какого-то режиссера, – говорящий отвлекся и, видимо, прикрыл трубку рукой, отвечая кому-то на другой вопрос. – Режиссера убили, – повторил он, вернувшись к разговору с Василисой. – Из провинции. Вахтанг Багратишвили его звали. Говорит вам о чем-нибудь это имя?

Трубка выпала из похолодевших Васиных пальцев, стукнула по ламинатному гостиничному полу. Отвалилась крышка, выскочила батарейка, и голос из трубки пропал, провалившись в бездонную черную глубину, куда в тяжелом обмороке проваливалась и Василиса. Имя Вахтанга Багратишвили говорило ей очень о многом.

Глава 2. Платочек в красный горох

Никогда не нужно искать причины ненавидеть, если есть основание любить.

1941 год

Василий лежал под раскидистыми лапами мохнатой ели и безуспешно пытался заснуть. Под шинелью, которой он кое-как укрылся, было холодно, и он предпринимал отчаянные попытки расслабиться, чтобы хоть немного согреться. Однако сведенные многодневной ходьбой и ежеминутной опасностью мышцы задеревенели так, что не пропускали кровь бежать по жилам. Единственное, в чем он преуспел, – это в стремлении унять нервный стук зубов.

В окружение его часть попала практически через две недели после того, как их отправили на фронт. Уже почти два месяца они пытались прорваться к своим, аккуратно пробираясь в лесной чаще и обходя стороной деревни, в большинстве из которых слышалась немецкая речь. Да что там в деревнях! Несколько дней назад, точно так же расположившись на ночлег под деревьями, он и его помощник, фельдшер Игнат, проснулись от той самой немецкой речи, которая доносилась из-за ближайших кустов. Сделав Игнату знак молчать, Василий неслышно подполз поближе, чуть раздвинул ветви и увидел двух немецких солдат, спокойно куривших у обочины проселочной дороги и неспешно разговаривающих об оставленных дома семьях.

Солдат постарше тревожился, что его дочь влюбилась в неподходящего человека и в его отсутствие они могут справить свадьбу. Тот, что помладше, горевал, что его жена должна вот-вот родить, и нехорошо, что это произойдет, когда мужа нет дома. Василий свободно понимал все, что они говорят, и в очередной раз добрым словом помянул Генриха и Анну. Анну... Не дав мысли зацепиться за дорогое имя, он так же неслышно вернулся к Игнату и дал ему знак замереть. После недолгого перекура солдаты двинулись дальше по дороге, и только после этого Василий немного расслабился. На этот раз опасность миновала, но до тех пор, пока они не выйдут из окружения, она подстерегала за каждым кустом.

Продукты практически кончились, спасала лишь картошка, которую они втихаря подкапывали на пустующих колхозных полях. Панические настроения вспыхивали вокруг все чаще. Кто-то поговаривал о том, что надо сдаваться на милость врага, чтобы наконец по-человечески поесть. Кто-то, пользуясь возможностями, которые даровали короткие стоянки, закапывал документы, в первую очередь военные и партийные билеты. Срывались с шинелей и

гимнастеров офицерские ромбы, бросались в лесу. Коммунисты, комиссары, евреи... Им грозил неминуемый расстрел, поэтому каждый как мог избавлялся от того, что могло выдать его партийную, национальную или сословную принадлежность.

Шинель Василия Истомина была цела. Лейтенантские знаки отличия располагались на ней там, где им и было положено. Военный и партийный билеты (а в партию он вступил еще в институте) лежали во внутреннем кармане, завернутые в вощеную бумагу. Закапывать документы и срывать знаки отличия было... неправильно, а Василий Истомин никогда не нарушал правил, чего бы они ни касались.

Сейчас, будучи не в силах заснуть, то ли от холода, то ли от нервного перенапряжения, он вспоминал, как двадцать второго июня прибежал в институт, где встретил у входа своего закадычного друга Анзора Багратишвили, с которым за годы учебы стал просто неразлейвода.

Красавец-грузин, весельчак и балагур, любитель женщин и красного вина, он уверял, что является потомком знаменитого рода Багратионов. Под байки про главного наперсника Кутузова сложил свою защитную броню не один десяток лучших красавиц института, а рассказ про сокровища Наполеона, зарытые Багратионом по пути из Москвы в Смоленск, заставлял замирать, открыв рот, даже именитых профессоров, забывавших ради этого лекции про брюшной тиф или хирургию в военно-полевых условиях. Анзора любили и студенты, и преподаватели. Он был честный, смелый, открытый человек с ясным светом невообразимых ярко-синих глаз, которые было странно видеть у грузина.

- Ну что, в военкомат? - то ли вопросительно, то ли утвердительно сказал Василий, и Анзор согласно кивнул.

- Да, я сразу туда собирался, а потом решил, что вместе, наверное, сподручнее будет. Так и знал, что ты тоже сюда придешь.

Впрочем, надеждам, что их, быть может, отправят служить вместе, не суждено было сбыться. Двух молодых врачей, только-только получивших дипломы о высшем образовании, откомандировали в разные части. Анзору надлежало явиться в свою завтра утром. Васе - сегодня вечером.

– Ну что, друг, попрощаемся? – с показной бодростью спросил Василий, когда они снова очутились на залитой солнечным светом, невообразимо мирной летней улице. – Ты пиши мне, что ли.

– Напишу, Васька! – В голосе друга вдруг послышалось отчаяние. – Ты живи только, слышишь? Мы обязательно должны вернуться. Мы же еще и не жили по-настоящему. Не любили. Сына не воспитали. Дом не построили. Дерево не посадили.

– Ну да, кто-то еще не стал великим хирургом, – Василий шуткой попытался выдавить из горла застрявший там ком. – Я же помню твои наполеоновские планы.

– У Багратионов не может быть наполеоновских планов, – тут же отозвался Анзор. – Кстати, Вася, есть еще одно дело. Помнишь, я рассказывал про сокровища Наполеона?

– Конечно, помню, эту твою байку весь институт слышал не по одному разу.

– В общем, было сокровище или нет, я не знаю, это пусть историки разбираются, – перейдя на торопливый шепот, продолжил Анзор. – Только в нашей семье всегда хранились серебряные монеты восемнадцатого века. Дед говорил, что они как раз от Багратиона остались. Когда я в Ленинград учиться поехал, отец мне их передал. Они у меня все эти годы в общежитии лежали. Не на видном месте, конечно. А сейчас мне в армию уходить, не с собой же брать на войну. Васька, давай я их у тебя оставляю. Закончится война – отдашь.

– Не знаю, – в голосе Василия послышалось сомнение. – Я ведь тоже сегодня ухожу. А родителей дома нет, они в Белоруссию уехали, не знаю, как там они с бомбежками этими. Вернутся, найдут, не поймут, что к чему. Не записку же им оставлять. Вдруг на чужие глаза попадет.

– Может, в огороде закопать?

– Анзорка, ну сам подумай, а вдруг Ленинград бомбить будут, как Киев бомбят, как Гродно и Брест? Разрушится дом, как потом сокровища твои искать.

– Так что же делать? – друг заметно приуныл.

– Вот что! – решительно сказал Василий. – Поехали, у Генриха оставим. У него легкие слабые, его в армию точно не возьмут, так что у него и спрячем. Ты не думай, Битнеры – люди очень порядочные, чужого себе не возьмут, окончится война, вернут тебе твои монеты обязательно.

– Да я и не думаю, – пожал плечами Анзор, – с фронта еще живым вернуться надо. Да, ты прав, так будет лучше всего. Поехали к твоему Генриху.

Сквозь начинающий наваливаться сон Василий вспоминал, как они вдвоем с Анзором уговаривали Генку оставить у себя тугую колбаску с монетами. Их было три десятка. Развернув колбаску, Анзор вытащил на белый свет одну монету и показал друзьям.

– Рубль 1727 года, – горделиво сказал он. – На аверсе Петр Второй. Это так называемый московский тип. Видите, у Петра на груди три короны. Чистое серебро. Весит около тридцати граммов.

– Дорогие они? – боязливо спросил Генрих. – Страшновато за такое на себя ответственность брать.

– Да не дрейфь ты! – Анзор хлопнул его по плечу. – Живы будем, не помрем. Ладно, ребята, я пошел, мне еще на телеграф надо сбегать, родителям в Тбилиси телеграмму отбить. Счастливо тебе, Васька!

– И тебе счастливо, – Василий нетерпеливо повернулся к уходящему другу спиной. – Генка, мне в часть сегодня. Мне бы с Анной попрощаться. Дома она?

– Нет, – Генрих огорченно свесил белокурую голову. – У подруги с ночевкой осталась. Ты не думай, Васька, я ей все передам.

– Мне бы на память о ней что-нибудь, – с тоской сказал Василий, понимая, что перед отправкой на фронт не увидит до слез любимое, прекрасное лицо Анны. – Ген, очень надо, правда!

– Сейчас... – Генрих на минуту задумался, потом сбегал в другую комнату и принес Васе небольшую фотографию, с которой задорно улыбалась Анна, и шелковый платочек, красный в белый горох, который девушка любила надевать поверх белой кружевной блузки. – На, возьми.

– Заругается, поди, Анна, что ты мне ее любимый платочек отдал.

– Разберусь, – Генрих тихо засмеялся. – Тебе нужнее, ты на фронт идешь, – он снова стал серьезным. – Вася, ты вернись, пожалуйста. Мы тебя будем ждать. И я, и Магда, и родители, и Анна.

– Постараюсь, – улыбка, которую попытался изобразить на своем лице Вася, вышла немного кривой. – Вот еще, Генка, если все будет хорошо и мои вернутся, ты им передай, что я на фронт ушел, хорошо? Я тебе писать буду, так что держи меня в курсе дела. Обещаешь?

– Обещаю, – ответил Генрих, и друзья на прощание обнялись.

Вернувшись домой, Василий быстро собрал рюкзак со всем необходимым, бережно расправил внутри военного билета фотографию Анны, аккуратно сложив, спрятал в нагрудном кармане красный платочек в горох.

«Кто ж скотину кормить будет? – подумал он, пожалев о том, что не догадался договориться об этом с Битнерами. – Эх, плохой я хозяин».

Немного поразмышляв, он не придумал ничего иного, как выгнать свиней и кур в палисад, чтобы не сдохли с голоду на запертом дворе, щедрой рукой разбросал вокруг корм, спустил с цепи старого верного пса по кличке Полкан, напоследок потрепал его по холке, после чего повернул в замке ключ и ушел, не оглядываясь, с рюкзаком на плечах. Для военврача Василия Истомина начиналась новая, военная жизнь. Беспощадная к тем, кого он любил. Беспощадная к его родному Ленинграду. Беспощадная ко всей стране.

Наши дни

Сидя на краешке неудобного жесткого стула в кабинете городского УВД, Василиса нервно теребила в руках мокрый носовой платочек. После ужасного сообщения о гибели Вахтанга отпуск, конечно же, накрылся медным тазом. Отправляясь в управление транспортной полиции, она надеялась, что полученное известие окажется неправдой, страшным сном, что увиденный ею в лесу человек жив, и уж в любом случае это не Вахтанг, любовницей которого она была когда-то и с которым год прожила как гражданская жена.

Но Вахтанг действительно был мертв. Убит. И его тело в полном соответствии с заявлением Василисы нашли в перелеске у деревни Авдеево с признаками насильственной смерти. Точнее, Вахтанг Багратишвили был убит ударом топора, от которого его череп раскололся надвое, как переспелый арбуз. Как сообщил зареванной Василисе вчерашний полицейский, все так же протяжно растягивая слова на букве «а», дело будет расследоваться по месту жительства убитого, то есть в том городе, в котором жила и Василиса.

– Мой вам совет, – доверительно проговорил сотрудник правоохранительных органов, смотрящий, впрочем, на Василису без всякого сочувствия, – отправляйтесь, девушка, домой и напрямик к следователю. Ваше сообщение о теле выглядит крайне подозрительно, к тому же вы, как оказалось, еще и лично знали убитого, так что не ждите, пока вас объявят в федеральный розыск.

– Я не имею к убийству Вахтанга никакого отношения, – нервно сказала Василиса, – так что не надо меня запугивать. Прятаться я ни от кого не собираюсь и ничего скрывать тоже.

Домой она действительно уехала в тот же день, поскольку настроение ходить по театрам резко пропало. Вахтанг Багратишвили был пусть и перевернутой, но достаточно значимой страницей в ее жизни. Их отношения закончились более трех лет назад, но нанесенная ими рана до сих пор кровоточила. Она очень его любила, но, несмотря на это, разорвала их связь решительно и бесповоротно. Вахтанг ей солгал, а для Василисы Истоминой не было ничего более неприемлемого, чем ложь. Об отношениях с Вахтангом ни на стадии их зарождения, ни после окончания она так и не смогла рассказать ни маме, ни бабушке, и это было единственное, чего они о ней не знали. Слишком больно ей было об этом вспоминать.

Сейчас волей-неволей, а вспомнить пришлось. Сидящий перед ней человек, кажется майор, в знаках отличия она разбиралась не очень, смотрел

сочувственно, ни в чем ее не обвинял, свои вопросы, признаться, довольно интимного свойства, задавал вежливо и тактично. Лицо у него было человеческое, открытое и славное лицо, которое лишь немного портили жидкие усики над верхней губой.

Человек назвался Иваном Александровичем Буниным, и, несмотря на то что обстановка вовсе не располагала к веселью, начитанная Василиса невольно улыбнулась.

- Когда вы познакомились с Багратишвили? - спросил Иван Александрович, предупредив, что все ее слова являются показаниями и будут записываться в протокол.

- Пять лет назад, - спокойно ответила Василиса, которой было нечего скрывать.

- При каких обстоятельствах? И сразу ли у вас начались близкие отношения?

Познакомились они совершенно случайно, хотя могут ли быть случайными судьбоносные встречи? Василиса взяла суточное воскресное дежурство на «Скорой», и на очередной вызов, поступивший из областного драматического театра, отправилась с легким любопытством. В знаменитом с дореволюционных времен театре она, конечно, бывала, но через служебный вход проходить ей никогда не случалось.

Вызов был, в общем-то, смешной. Только что назначенного художественным руководителем театра Вахтанга Багратишвили укусила оса, забравшаяся в стакан с холодным сладким чаем. Как на грех, у него оказалась сильнейшая аллергия на ос, поэтому отекло лицо и горло.

- Отек Квинке, - такой диагноз с ходу поставила Василиса, распорядилась сделать нужные уколы и присела на стул, поставленный у кожаного дивана, на котором возлежал перепуганный и ужасно несчастный Вахтанг в ожидании, пока лекарство подействует. Отек Квинке был достаточно серьезной штукой, так что режиссеру вполне могла понадобиться госпитализация, и Василиса не торопилась уезжать.

- Как вас зовут? - спросил Вахтанг, едва обретя возможность говорить. Василиса внутренне поморщилась. Представляться она не любила, потому что ее не

совсем обычное имя, как правило, вызывало шквал вопросов.

– Василиса, – сообщила она, внутренне приоткрывшись к неизбежному.

Как ни странно, ее имя не вызвало ни малейшего удивления. Багратишвили просто принял его к сведению, как если бы она назвалась Машей или Катей.

– А меня Вахтанг Гурамович. Можно просто Вахтанг, – сообщил он. – Вы знаете, я в ваш город совсем недавно приехал. Двух недель еще нет, и совсем его не знаю. И знакомых у меня здесь никаких, и к кому за советом обратиться, понятия не имею, так что это происшествие с осой меня напугало.

– Очень вас понимаю, – улыбнулась Василиса. – Когда-то я случайно оказалась в этом городе и тоже чувствовала себя крайне неудобно. Знакомых нет, друзей нет, улицы все чужие. Ничего не понятно.

– Так вы приезжая! – Багратишвили неожиданно обрадовался этому обстоятельству, как будто оно роднило его со случайной собеседницей.

– Ну, теперь-то я уже местная, – она рассмеялась, и смех ее, как десяток колокольчиков, прозвенел в большом, мрачном и почему-то затхлом и пыльном кабинете художественного руководителя драмтеатра. Подумав про пыль, Василиса чихнула.

– Да-да, я уже распорядился сделать генеральную уборку, причем не только здесь, но и во всем театре, – сказал Вахтанг, будто прочитав ее мысли. – Я, знаете ли, не терплю пыль и грязь. Считаю, что любое дело начинается с чисто вымытого пола. Я и в той квартире, в которой живу, первым делом нанял уборщицу, которая каждый день приходит и моет пол.

– А ваша жена с этим не может справиться? – полюбопытствовала Василиса и тут же «поймала себя за язык». Согласно правилам хорошего тона, привитым мамой и бабушкой, такой вопрос вряд ли тянул на приличный.

– Я не женат, – ответил режиссер, и его красивое породистое лицо помрачнело. – Точнее, я вдовец. Моя жена погибла два года назад в автокатастрофе.

– Боже мой, какой ужас! – вырвалось у Василисы. – Простите меня, пожалуйста, я не должна была вам об этом напоминать.

– Да я про это и не забываю, – просто ответил лежащий на диване мужчина, лицо которого уже вернулось к нормальному виду и размеру. Отек спал, так что причин задерживаться в этом кабинете у Василисы больше не было.

– А можно я попрошу как-нибудь показать мне город? – вдруг спросил Багратишвили, словно чувствуя, что она собралась прощаться.

– Не знаю, – Василиса вдруг засомневалась, уместно ли подобное знакомство. Режиссер выглядел спокойным и приятным человеком, однако скромный Васин опыт общения с мужским полом просто кричал о том, что этот человек для нее опасен. Очень опасен! – У меня много работы. Так-то я анестезиолог в областной больнице, а по ночам и выходным на «Скорой» подрабатываю. Так что в свободное от работы время я предпочитаю просто выспаться.

– Ну пожалуйста, сейчас же лето, ночи длинные и светлые. Я не буду задерживать вас надолго. Когда у вас будет выпадать свободный вечер и вы не будете чувствовать себя слишком уставшей, мы сможем осматривать по одной-две достопримечательности, не больше.

– Ну хорошо, – она неожиданно для самой себя сдалась, чувствуя, что ей хочется встретиться с этим человеком еще раз. – Но тогда взамен вы будете рассказывать мне про мир театра. Признаться, мне с самого детства было интересно с ним познакомиться.

– Вы любите театр?

– Признаться, не особенно. Видите ли, я выросла в маленькой деревне в Вологодской области. Долгие годы мое знакомство с театром сводилось к школьным поездкам на спектакли в областной ТЮЗ, не чаще раза в год. Когда я поступила здесь в институт, то, конечно, пару раз выбиралась на спектакли, но не больше.

– Так это же прекрасно! – с воодушевлением воскликнул Вахтанг и встал с дивана. – Это же означает, что я смогу быть вашим первым проводником в этом сказочном, волшебном мире! Боже мой, я даже думать не смел, что мне так

повезет!

Его энтузиазм показался Василисе излишним, но она все же оставила Багратишвили свой телефон. Он позвонил два дня спустя. У нее не было ночного дежурства, поэтому в тот же вечер они встретились у служебного входа в театр и долго бродили по центру города, разглядывая исторические здания и лепнину церквей, отдыхая на лавочках в парке, кормя рыб в пруду и разговаривая обо всем на свете.

Вахтанг оказался приятным собеседником, с чувством юмора, эрудированным и образованным, прекрасным рассказчиком, по ходу повествования артистически перевоплощающимся в персонажей, о которых шла речь. Василиса то хохотала, то с замиранием сердца ждала развязки сюжета, то огорчалась, то изумлялась, то снова весело смеялась. Настроение у нее к концу вечера было просто отличное. Кроме того, ей понравилось, что за те три часа, которые они провели вместе, Вахтанг не позволил себе ни одного нескромного жеста, взгляда или слова в ее адрес. Он был вежливым и почтительным, не распускал руки, не ел ее нескромным мужским взглядом и вообще ни разу не дал понять, что смотрит на нее как на женщину.

Подобной нескромности на первом свидании Василиса не любила. С ним же она не испытывала ни малейшего дискомфорта, как будто провела вечер с надежным старым другом. Их первая прогулка надолго определила их отношения. Они часто потом гуляли вдвоем по старым улицам города, выбирались на пикники за город, съездили в Москву на несколько интересных и ярких спектаклей, но оставались друзьями.

Иногда Василиса ловила себя на мысли, что его показная невозмутимость и независимость от ее женских чар начинает ее раздражать. В конце концов она была симпатичной двадцатипятилетней женщиной, которой хотелось вскружить голову мужчине, тем более такому статному красавцу, каким, несомненно, являлся Вахтанг. Но он не делал никаких шагов, чтобы изменить свой статус друга, а сама она была не так воспитана, чтобы проявить инициативу.

Благодаря Вахтангу она пересмотрела весь репертуар драматического театра, частенько бывала за кулисами, чувствовала себя как дома в его кабинете. К себе домой, в уютную, очень чистенькую однокомнатную квартирку, он тоже приглашал ее довольно часто. Жарил нежнейшее мясо, делал удивительно вкусный грузинский салат с помидорами и кинзой, разливал по бокалам

настоящее вино, привезенное из Тбилиси.

– Твои родители живут в Тбилиси? – как-то спросила Василиса во время одного из таких визитов.

– Нет, – казалось, он удивился ее вопросу. – Я коренной петербуржец. Мой дед когда-то приехал в Питер учиться. Потом была война, после которой он стал кадровым военным. В общем, в Питер вернулся уже в старости, когда демобилизовался. Отец тоже учился в Питере, он профессор философии. Мама преподает в университете психологию, так что я из довольно образованной и приличной семьи, не смотри, что сам такой шалопай.

– Да вовсе ты не шалопай, – обиделась за него Вася. – Интересно, мой дед тоже учился в Питере. Он там родился и вырос. Это я у нас – деревенская, – она смущенно засмеялась.

– Ну какая же ты деревенская! – Вахтанг потрепал ее по коротко стриженным волосам. – В тебе порода издали видна. Я, знаешь ли, княжеского рода, мое родословное древо восходит к самому Багратиону, так что породу вижу сразу. Не важно, где ты родилась, кровь твоего питерского деда, видимо, такая сильная, что все остальное перешибает.

Увлеченная разговором, Василиса капнула на белую столешницу соком от жареного мяса. Неаккуратная мясная лужица растеклась, образуя некрасивое жирное пятно. Изменившись в лице, Вахтанг вскочил со стула, схватил тряпку и поспешно вытер лужицу, тщательно следя за тем, чтобы на столешнице не осталось разводов. Изумленная Василиса молча следила за его действиями.

– Да, у меня паранойя, – заметив ее взгляд, кивнул Вахтанг. – Я помешан на чистоте, это правда. Видишь ли, когда мы с женой попали в аварию, ее кровь была повсюду. Удар пришелся как раз с ее стороны, и я весь был залит ее кровью. У меня ощущение, что я до сих пор так и не отмылся полностью.

– Последствия шока, – констатировала Вася, которой стало его мучительно жалко, вот просто до слез. – Так бывает, это я тебе как врач говорю. Но это пройдет, обязательно пройдет.

– Время лечит? – он нехорошо, как-то по-волчьи усмехнулся.

– Нет-нет, я понимаю, что тебе трудно это забыть. А эта фраза – она на самом деле совсем дурацкая. Я по бабушке знаю. Сколько лет прошло с момента смерти деда! А она до сих пор так и не оправилась. Любила его сильно.

– «А время – оно не лечит. Оно не заштопывает раны, оно просто закрывает их сверху марлевой повязкой новых впечатлений, новых ощущений, жизненного опыта, – вдруг процитировал Вахтанг. – И иногда, зацепившись за что-то, эта повязка слетает, и свежий воздух попадает в рану, даря ей новую боль... и новую жизнь... Время – плохой доктор... Заставляет забыть о боли старых ран, нанося все новые и новые... Так и ползем по жизни, как ее израненные солдаты... И с каждым годом на душе все растет и растет количество плохо наложенных повязок...» Это Ремарк, – пояснил он, встретив непонимающий взгляд Василисы. – Эх, ты просто молодая еще, Васенька, и совсем неиспорченная. Потому и повязок на душе у тебя еще нет. Тебе еще не понять.

– Почему же, я понимаю, – тихо ответила она, уязвленная его словами о своем малом жизненном опыте. Ей ужасно захотелось подойти и обнять его, такого ранимого, такого потерянного, невыносимо страдающего от перенесенного горя. Но она не решилась самовольно нарушить установившуюся между ними дистанцию и тихо доела свое остывшее и уже не истекающее соком, как кровью, мясо и залпом допила кроваво-красное же вино в высоком бокале.

Глава 3. Город, ставший чужим

Время все по местам расставит. Ждать только долго.

Майя Плисецкая

1945 год

Василий шел по своему родному городу и не узнавал его. Нет, все было на месте. И поддерживающие небо роstralные колонны, и захватывающая дух мощь Казанского собора, и целующий тучи шпиль Адмиралтейства. Петр Первый все так же гарцевал на вздыбленном коне, давя змею, неспешно текла вода в каналах и людской поток по Невскому проспекту. Все было на месте – и все не

так.

О блокаде Ленинграда он знал из фронтовых сводок. Письма из родного города прекратились почти сразу. Нет, после того как он вышел из окружения, он получил одно письмо от Генриха Битнера, в котором тот пересылал извещение о гибели Васиных родителей. Его с оказией передали далекие белорусские родственники, своими глазами видевшие, как дом, где остановились Истомины, в одночасье сровняло с землей. Вася знал, что дома его никто не ждет, но, демобилизовавшись, приехал в Ленинград. Куда же еще ему было ехать?

После письма от Генриха, датированного августом 1941 года и полученного Василием только в ноябре, когда Ленинград уже был взят в блокадное кольцо, а сам он приступил к несению службы в новой для него части, больше он от него писем не получал. Жив ли друг, а главное – жива ли Анна? Ответ на этот вопрос нужно было получить в первую очередь. Немного поколебавшись на перекрестке, от которого можно было свернуть налево, к дому, или направо, к Битнерам, он все-таки решил зайти домой и помыться с дороги.

То, что сам Василий выжил в кровавой мясорубке Великой Отечественной, да что там выжил, даже ранен был всего один раз, и то совсем легко, можно было считать чудом. Его первая часть вышла из окружения, в которое попала в июле сорок первого, после трехмесячного скитания по лесам, изрядно поредевшей и тут же попала в руки особого отдела.

Красную рожу майора, проводившего первый допрос, Василий запомнил на всю жизнь. Орал тот как резаный, чуть хрипя и брызжа вонючей слюной, разлетающейся из открытой пасти во все стороны. Василий машинально отметил, что зев у майора красный, отечный, характерного бархатистого вида, с небольшими, чуть желтоватыми возвышенностями фолликулов.

«Фарингит, – лениво и отстраненно подумал Василий, – потому и голос садится. Или он от ора садится? Я же наверняка не первый, на кого он так орет». И вдруг, перебив майора, неожиданно сам для себя сказал: – Вам горло прополоскать надо, товарищ майор. Солью, растворенной в горячей воде, две столовые ложки на стакан, и лучше туда еще капель пятнадцать йода добавить.

– Что-о? – Майор явно оторопел, набрал воздуха в измученные легкие, чтобы вновь сорваться на крик, но почему-то передумал и спросил уже обычным,

нормальным голосом: – Врач, что ли?

Василий подтвердил, что да, врач. И обстоятельно рассказал про то, как родился и вырос в Ленинграде, как окончил институт, как уехали родители, как перед отправкой на фронт он отпустил с цепи Полкана, как попал в окружение, как выбирались они из него, прячась в кустах от немцев, как голодали, теряли товарищей, многие из которых предпочитали выйти в близлежащую деревню и сдаться на милость победителя, как наконец-то, спустя почти три месяца, им удалось выйти к своим и как они радовались, что выстояли, что все теперь у них будет хорошо.

– А я тебя знаю! – вдруг перебил его толстомордый майор. – Ты студентом на практику в Александровскую больницу приходил. А я там лежал как раз. С воспалением легких. Помнишь, я еще возмущался, что меня как подопытного кролика студентам показывают?

– Помню, – неуверенно сказал Василий, не решаясь спорить, и вдруг правда вспомнил. Это было году в тридцать восьмом, июнь выдался холодный и промозглый, и они действительно пришли на практику и перемещались из палаты в палату Александровской больницы под предводительством старого доктора Николая Петровича Лемешева. И один из пациентов и впрямь устроил страшный скандал, правда, не из-за того, что о нем рассказывают студентам-медикам, а из-за того, что он в нижнем белье выставлен на обозрение студенток. Вспомнив про это, Василий засмеялся, несмотря на то что обстановка явно не располагала к веселью.

– Ладно, – майор махнул рукой, и писарь, фиксирующий каждое слово их беседы, вышел из кабинета. – Я тебя действительно знаю. Ты не шпион, нормальный советский человек. Будешь отправлен в новую часть. А пока – что ты там про горло говорил? Болит, зараза, сил нет! Как будто наждаком дерет.

То ли наждак был тому причиной, то ли все-таки тот факт, что из трехмесячного окружения Василий Истомин вышел в шинели с офицерскими ромбами, партбилетом и военным билетом в кармане, но его не расстреляли, не арестовали, не отправили в лагерь, а дали вымыться, отоспаться и отъесться и вместе с верным Игнатом, не отлипавшим от старшего товарища ни на минуту, отправили в новую часть.

Всю войну они рука об руку оперировали раненых в полевых госпиталях, встретили День Победы в немецком городе Шпандау, одновременно демобилизовались в конце июня, и вот теперь Василий Истомин, целый и невредимый, подходил к дому, который покинул ровно пять лет назад.

Гулко лаяла собака за забором.

– Неужто Полкан? – мимолетно обрадовался Вася, толкая скрипучую калитку. Во дворе какая-то женщина, повернувшись спиной к калитке, развешивала белье. На минуту сердце зашло в мимолетной надежде, что это мама.

Женщина обернулась, брехавшая собака подскочила, завертелась рядом, заходясь в судорожном приступе лая, и надежда схлынула, как поднятая проходящим катером волна с прибрежного песка. Это была не мама. И собака – не Полкан.

– Вы кто? – Женщина смотрела настороженно и чуть испуганно. Крепкий плечистый Василий за годы войны возмужал. Косая сажень его плеч, обернутых драпом шинели, вселяла уважение и легкую оторопь.

– А вы кто? – вопросом на вопрос ответил Василий. – Что вы тут делаете?

– Ой, вы, наверное, хозяин, – догадалась женщина. – Вы в этом доме до войны жили? Вы не подумайте, мы не самовольно, нам эту квартиру от завода дали. Мы тут живем. Я и дочка. Мы пока в эвакуации были, наш дом разбомбило. Вот нас сюда и поселили. А муж мой на фронте погиб. Так что мы тут сами хозяйничаем.

Из дома во двор вышла маленькая, худенькая девочка лет восьми. Испуганно юркнув за приоткрытую дверь, она с интересом разглядывала высокого незнакомца, с которым разговаривала мама.

– Да вы проходите, – женщина бросила так и не повешенную на веревку наволочку в таз с бельем, вытерла руки о передник и сделала приглашающий жест. – Это же ваш дом. Я картошку только сварила. Проходите, пожалуйста.

Пригнув голову, чтобы не удариться о притолоку (такое чувство, что то ли он за войну стал выше ростом, то ли дом ушел в землю), Василий шагнул в сени, затем

в комнату и сглотнул невесть откуда взявшийся в горле ком.

Здесь все было так же, как пять лет назад. Деревянный сервант, чуть колченогий, с постоянно распахивающейся дверцей. Стол с разномастными стульями вокруг, их замысловатые спинки вырезал отец, считавшийся лучшим в округе плотником. Правда, стол покрыт не белой скатертью с вывязанными крючком кружевами, а обычной клеенкой, такого святотатства мама никогда бы не допустила.

Диван с кожаной спинкой, кровать с шишечками, на ней спали родители, его собственная кровать, между прутьями которой он как-то в детстве застрял, сунул голову, а назад вытащить уже не смог. На его рев прибежал отец, раздвинул прутья руками, освободил сына из плена. Спинка с той поры так и осталась слегка погнутой.

Это был его дом, каждую мелочь в котором он помнил с детства, и в то же время это было абсолютно чужое ему место, с брошенным на резную спинку стула чужим платком, чужими валенками у порога, а главное – чужим запахом, шибавшим в нос и вызывавшим чувство глухой тоски.

– Вы ночевать останетесь? – Он не сразу услышал, что чужая женщина о чем-то спрашивает его. – Мы с дочкой на большой кровати ляжем, а вам за стенкой постелем. А завтра сходим к коменданту жилищного отдела, попробуем что-нибудь придумать. Это же ваш дом, вам тут и жить, а нас поселят куда-нибудь, наверное.

В голосе женщины Вася расслышал неуверенность и робкую покорность судьбе. Ему вдруг стало нестерпимо жаль ее, оставшуюся без мужа, одну с ребенком, пережившую блокаду и эвакуацию, вернувшуюся к разбомбленному дому, потерявшую все, что у нее было, кроме маленькой дочки, чья кукла, заботливо укрытая старым заштопанным платком, когда-то связанным его мамой, лежала на его кровати с кривыми прутьями изголовья.

– Не надо никуда ходить, – глухо сказал он и сделал шаг к двери. – Вы живите здесь. Я вас выгонять не буду. И на ночь не останусь. – Каким-то обостренным внутренним чувством он понимал, что начини она кричать о своем праве на этот дом, о том, что ему теперь придется самому заботиться, где жить, он вступил бы в борьбу за право остаться здесь, где все дышало памятью о родителях. Однако

женщина была готова сдаться без всякой борьбы, и он знал, что не будет создавать ей дополнительных проблем.

– Как же? – всполошилась женщина и даже руками всплеснула. – Куда же вы пойдете на ночь глядя?

– Ничего, я найду где переночевать.

– Послушайте, боже мой, я же даже не спросила, как вас зовут...

– Меня зовут Василий. Военврач Василий Истомин.

– Очень приятно. А я Вера. А это моя дочка, Иринка. Василий, давайте я вас хотя бы покормлю с дороги. А потом пойдете.

– Нет, – Вася вдруг ощутил, что больше физически не может находиться в этом доме. Воспоминания о том счастливом времени, когда еще были живы родители, давили ему на плечи, обручем перехватывали голову, заливали кровью глаза, заставляли учащенно биться сердце. Ему захотелось завывать, по-звериному, по-волчьи, и только страх испугать востроносую Иринку да стыд проявить слабость перед совершенно чужой ему Верой удержали рвущийся из горла крик.

– Пойду я. Вы живите спокойно, я не буду вас выселять и приходить больше не буду.

Глотая разрывающие грудь рыдания, он выскочил на улицу, захлопнул калитку и быстро пошел прочь, не оборачиваясь на дом, в котором осталась вся его прошлая жизнь.

– Василий! – Он убыстрил шаг, не оборачиваясь на крик, но Вера догнала его и сунула в руки старый фибровый чемодан, с которым его отправляли на дачу с детсадом. – Вот, возьмите, – запыхавшись, сказала она. – Я, когда мы здесь поселились, собрала сюда ваши альбомы с фотографиями, документы, которые в комодке лежали, ложечку серебряную, потом сережки тут вашей мамы, брошка. И чашка фарфоровая.

Василий снова сглотнул. Фарфоровая чашка с тоненькими, тщательно выписанными незабудками принадлежала маме. Она очень ее берегла, никогда не использовала, чтобы не разбить. В чашку наливался клюквенный морс, когда маленький Вася болел и мучился от высокой температуры. Чашка была верным средством утешения, и сейчас она лежала внутри чемодана как счастливый талисман на всю оставшуюся жизнь.

– Вы возьмите, это же память все-таки, я ничего не тронула. Конечно, тут в блокаду мародеры похозяйничали, так что, может, что и пропало, но это не мы с Иринкой. Нам чужого не надо, вы не думайте, – с отчаянием в голосе говорила тем временем Вера.

– Я и не думаю. – Васе вдруг остро захотелось погладить ее по голове, хоть она и была старше его лет на десять, не меньше. – Спасибо вам, Вера, – тепло сказал он. – Замечательный вы человек. Счастья вам. – И пошел широкими шагами дальше, оставив ее посредине уличной пыли смотреть ему вслед.

Ноги сами собой привели его к дому Битнеров. Краска на некогда веселеньком разноцветном доме выцвела и местами облупилась. Во дворе сохло серое, будто не постиранное белье. Он невольно вспомнил, как сверкало белизной пляшущее на ветру белье, натянутое мамой Генриха без единой морщинки. Глядя на белье, Василий приготовился к тому, что и здесь теперь живут совершенно другие люди.

На его стук открыла полная, неряшливо одетая женщина с испитым лицом.

– Ты кто? Чего надо? – с подозрением спросила она, дыша Васе в лицо застарелым перегаром. Он невольно поморщился.

– Я ищу людей, которые жили здесь до войны. Семья Битнеров, может, слышали?

– Никого не знаем, кто тут раньше жил, – женщина заслоняла узкий просвет приоткрытой двери, не давая ни малейшего шанса не то чтобы зайти, а хотя бы заглянуть внутрь дома. – Только теперь мы тут живем. Денежки заплатили, да немалые, чтобы прописку получить. Так что даже не надейся, что тебе тут удастся чем-то поживиться.

– Послушайте, – Василий решил быть терпеливым. – Мне ничего не надо. Я просто хочу узнать про людей, которые жили тут раньше. Где мне их искать?

– На том свете, – неприятно хохотнула женщина, обнажив желтые, прокуренные, наполовину гнилые зубы. – Немчуру эту проклятую выслали из города Октябрьской революции. Если есть бог на свете, так сдохли они далеко отсюда, фашисты проклятые.

– Да что вы говорите такое! – Василий стукнул кулаком по дверному косяку, женщина испуганно отшатнулась. – Какие Битнеры фашисты?

– А ты тут не стучи! – Баба в дверях уже вернула утраченное было самообладание. – Нашелся тоже желающий права качать. Я щас мужика своего разбужу, так он тебе быстро накостиляет, сопляку. Мы тут живем, ни о каких прежних жильцах слыхом не слыхивали и никакую немчуру проклятую не знаем. Понял? Пошел вон отсюда!

Дверь с грохотом захлопнулась перед Васиным носом, и он, спустившись с крыльца, даже головой ошарашенно покрутил, не веря сам себе, что этот странный разговор, так не вязавшийся с домиком Битнеров, состоялся на самом деле. Немного подумав, он завернул за угол и пошел к дому, в котором жили родители Магды. Тот и вовсе оказался заколочен. Окна, прищурившиеся за крест-накрест набитыми досками, равнодушно смотрели, как он, толкнув запертую калитку, несколько раз подпрыгнул, чтобы заглянуть за забор.

Здесь царило безмолвие, которое не могло дать ему ответ на вопрос, куда девались Битнеры, живы ли они и увидит ли он когда-нибудь красавицу Анну. Василий побрел по улице, не очень-то понимая, куда ему теперь идти.

– Васька! – вдруг услышал он и стремительно обернулся на зов, радуясь, что встретился хоть кто-то знакомый. На другой стороне улицы на пороге маленького, покосившегося, вросшего в землю домика стояла, опираясь на суковатую клюку, бабка Кощеиха.

Ей было лет сто еще в то время, когда Вася вместе с окрестными пацанами играл на улицах колонии Гражданка в салочки и лапту. Суровая, вечно недовольная бабка гоняла пацанов за малейшую провинность, будь то поднятые в ходе игры тучи дорожной пыли, громкие крики или, упаси господь, разбитое стекло.

Кощеихой ее прозвали за чрезмерную худобу. Костлявые руки, согнутые артритом, которые она выпрастывала из длинных рукавов теплой шерстяной кофты, неснимаемой даже в тридцатиградусную жару, были похожи на руки Кощея Бессмертного, а неопределимый на глаз возраст наводил на мысли о том, что она действительно бессмертна.

Василий узнал ее с первого взгляда, потому что за войну Кощеиха совершенно не изменилась, даже кофта, казалось, была та же самая. Он вспомнил, как в детстве боялся ее острого сердитого взгляда, как старался лишней раз не пробегать мимо покосившегося домика, который искренне считал обиталищем Бабы-яги, усмехнулся своим детским страхам, так не вязавшимся с теми ужасами, которые он встретил за военные годы, и шагнул навстречу этой старой, очень старой женщине, которая смотрела на него из-под мохнатых сросшихся бровей.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Вася, понимая, что не знает, как ее зовут. Для всех мальчишек в их округе она была просто Кощеихой.

– И тебе не хворать. Что? Друзей своих ищешь?

– Да. Вот, демобилизовался, вернулся домой, хочу узнать, где Генрих и его семья.

– Ага. И где Анна, верно? – Бабка вдруг засмеялась, видя его немое изумление. – Что, думаешь, старая карга не знает, как ты за битнеровской дочкой бегал? Да вся ваша жизнь на моих глазах проходила. Своей-то после того, как я сына в Гражданскую потеряла, у меня и не было.

– Сколько же вам лет? – спросил Василий, стыдясь своего бестактного вопроса, но будучи не в силах его удержать.

– Семьдесят шесть, – спокойно ответила Кощеиха, будто и не удивившись его интересу. – Кольке моему в девятнадцатом году двадцать восемь годов было, когда его шашкой надвое разрубило. Жениться не успел, внуков мне не оставил. Так и коротала свой век, за чужими детишками поглядывая.

– Простите, – Василий откашлялся, – как мне к вам обращаться?

– Агриппина Васильевна, – и этому вопросу старуха совершенно не удивилась.

– Агриппина Васильевна, скажите, вы знаете, что с Генрихом? И с Анной, – багровый румянец залил его щеки при упоминании этого имени.

– Не обрадую я тебя. Ты крепись, сынок, плохие вести я тебе принесу. Ну да правду-то, ее все равно лучше знать. В первую же блокадную зиму померла твоя Анна. И папаша Битнер тоже. Сначала он, а уж потом, ближе к весне, она. У нас тут ужас сколько народу померло. И-и-и-и, парень, лихо было, лихо. Обои от стен отрывали и жрали, голубей всех съели, кошек, собак. – Василий вспомнил верного Полкана и внутренне передернулся.

– В общем, в январе, как морозы настали, папаша Битнер с завода шел, да не дошел. От слабости в сугроб упал да и замерз в нем. А Анна в марте померла. Перед смертью уж две недели не вставала с постели. Генка с фабрики своей сапожный клей носил, его в котелке варили да ели. И он ел, и Магда, и мамаша, а Анна не могла. Наружу ее с этого клея выворачивало. Так и стояла на глазах.

От известия, что Анна мертва, у Василия сжалось сердце. Ледяной ком угнездился где-то в районе желудка, и Вася равнодушно подумал, что, видимо, здесь в человеческом теле находится душа. Та самая душа, которую он ни разу не видел при полостных операциях или на вскрытиях. Ком давил на ребра изнутри, не давая дышать и замораживая соседние органы. Холод из желудка волнами расходился по всему телу, парализуя способность мыслить, чувствовать и говорить.

– А Генрих? – спросил он оледенелыми губами. – Генрих, получается, не умер? Что же с ним стало?

– Так выселили их из Ленинграда. Как приспешников Гитлера выселили, – охотно пояснила Кощеиха, с жалостью глядя на него. – Сначала приказ НКВД вышел, в августе это было, еще до блокады, что всех немцев как потенциальных предателей вывезти за пределы города. Только не успели сделать-то этого. Пока списки составляли, то да се. Кольцо и замкнулось.

Потом зима голодная настала, не до немцев было. Все одинаково без разбору мерли, и немцы тоже. А уж в марте сорок второго, в аккурат назавтра после

того, как Анна померла, новый указ вышел по этому, как его, – Кощеиха пожевала губами, – особому контингенту, вот. Ну и быстро-быстро погрузили их всех и увезли. День на сборы всего и дали. В общем, уехали они из Ленинграда, сынок. И Генрих твой, и Магда, и мамыши их обе. Да что там говорить, всю колонию на Гражданке депортировали. Никого не осталось. Только мы, русские.

– А куда? – спросил Василий, в отчаянии понимая, что старуха не может этого знать.

– Да кто ж знает... Люди говорили, что вроде в Череповец, а потом в Казахстан. Подальше их отправляли, подальше, чтобы как немцы немцам не помогали и информацию не передавали.

– Да какую информацию, Агриппина Васильевна! – воскликнул Василий. – Какой секрет мог Генка фашистам открыть? Технологию производства ботинок?

– Тиш-е, – Кощеиха опасно посмотрела по сторонам и снова шикнула на Василия. – Тише ты. Чего орешь? Тут и у стен есть уши. Люди-то новые в этих домах живут. У них порядки другие, не те, что при немцах были. Я наших немцев имею в виду, – зачем-то уточнила она. – Хотя что это я? Рази ж немцы могут быть наши, – и она конфузливо засмеялась. – Иди отсюда, сынок, а то я, старая, с тобой тоже до греха договорю.

Василий побрел прочь. Пусто и горько было у него на сердце. Он вспоминал, как часто мечтал на фронте о том, как вернется в родной город, пройдет по дорогим с детства местам, встретится с людьми, светлая память о которых позволяла ему оперировать по десять часов подряд, не сходить с ума от кровавого месива, из которого он умудрялся заново сшивать людей, не дуреть от запаха крови и гноя, да и вообще жить. И вот он вернулся, не найдя ни дома, ни тех, кого любил. Никто не ждал его в ставшем чужом Ленинграде, и не к кому было ему идти.

Ноги сами собой привели его в Александровскую больницу, в которую его направили на работу. Верный Игнат, бок о бок прошагавший с ним всю войну, тоже был здесь, медбратом в отделении хирургии. Увидев на крыльце почерневшего от горя Василия, он, ни слова не говоря, провел его в ординаторскую, быстро спроворил постель, принес чаю и кусок хлеба. Василий машинально откусил от мягкой горбушки и хлебнул из кружки.

– Все будет хорошо, Василий Николаич, – сказал ему Игнат, как-то по-бабьи вздохнул и уселся напротив, подперев рукой щеку. – Обустроимся как-нибудь. Бывало и хуже. Сейчас, слава богу, не война.

– Да, не война, – согласился Вася, достал из кармана гимнастерки потрепанную карточку, с которой на него смотрело серьезное и милое девичье лицо, развернул выпавший на кровать шелковый платочек в крупный горох и заплакал так горько и отчаянно, как не плакал даже в детстве.

* * *

Города – как люди. Каждый со своим характером, своей, только ему одному присущей внешностью, своим говором и своим гонором, своей неповторимой изюминкой, своим стилем или его отсутствием.

Амстердам – вечный студент в кедах, надетых на босу ногу, с рюкзаком за плечами и в смешной вязаной шапке, лихо сдвинутой на затылок. Москва – строгая бизнесвумен в стильном костюме от Кардена, алой помаде на губах, безупречных колготках на стройных ногах, холодном блеске бриллиантов, и наплевать, что еще утро.

Прага – вечно юная волшебница, как Стелла в Розовой стране писателя Волкова. Мудрая, все знающая, но не тронутая пылью веков.

Череповец – серьезный, крепкий, чуть насупленный сталевар в каске, вслед за дедом и отцом третий в славной трудовой династии, у которого следом подрастают еще два сына.

Коктебель – чуть расхристанный, слегка неумытый, не до конца протрезвевший писатель или музыкант, в общем, творческий человек, вдыхающий по утрам аромат кипарисов и под шум волн сочиняющий очередное неплохое, хотя и не бессмертное творение.

Питер – состоявшийся в жизни мужчина средних лет, чьи густые волосы уже тронула легкая седина, так называемая «соль с перцем», сводящая с ума романтических барышень. На нем длинное кашемировое пальто, расстегнутое, полощущееся полами по ветру, яркое кашне, притягивающее взгляд к широкой

груди под тонким свитером, к которой так хочется прикоснуться робкими пальцами. Он умен и насмешлив. Он знает цену деньгам, себе и тебе, но уважительно выслушает твою точку зрения, чуть склонив свою благородную голову набок.

Города – как люди. И если посчастливится «попасть» в своего – человека ли, город ли, не важно, то до самой старости ты проживешь с ним долго и счастливо. Питер – прекрасен и неуловим, и несостоявшийся роман с ним остается невысказанной болью в сердце навсегда. Сколько бы еще ни было в твоей жизни романов, счастливых и не очень.

Глава 4. Грехопадение у фонтана

Все, что вы делаете, делайте с любовью или не делайте вовсе.

Мать Тереза

Наши дни

После работы Василиса решила пойти не домой, а к маме. Она вообще старалась сейчас как можно меньше оставаться одна. Одиночество тяготило ее, потому что несло в себе лишние, болезненные и оттого совсем ненужные воспоминания, которые едкой щелочью заливали старую, вроде бы зарубцевавшуюся, но неожиданно вновь открывшуюся рану, заставляя несчастную Васю мучиться от боли.

Чтобы не сидеть пустыми вечерами одной, она пыталась гулять по летним улицам, но и в прогулках не было спасения. В то первое лето, когда еще только-только зарождались их отношения, они с Вахтангом обошли или объездили на велосипеде практически весь город. За все предыдущие годы своей жизни здесь Вася не узнала его так хорошо, как за эти несколько летних месяцев. Улицы и проулки, пруды, нехоженные тропы в парках, старые, наполовину обрушившиеся церкви, музеи и даже богадельня для бомжей, спрятавшаяся на берегу Волги, вдали от центральных улиц, – все было интересно и ново.

Вахтанг часто катал Василису на велосипеде, и не было ничего удобнее, чем взгромоздиться на жесткую раму, скрестить ноги, доверчиво прильнуть к его широкой груди, уютно устроиться в кольце мускулистых рук, сжимающих руль. На улице пахло цветущими липами и летним дождем. Василиса весело смеялась каким-то специально для нее придуманным рассказам, которые он в лицах разыгрывал перед ней, не забывая при этом следить за дорогой.

Сейчас все эти улицы и проулки поднимались навстречу Василисе, с кривой ухмылкой стеля под ноги расплавленный от жары асфальт.

– Вляпалась? – язвительно спрашивали они.

– Вляпалась, – покорно отвечала она. – В прямом и переносном смысле – вляпалась. И в асфальт, и в неприятности. И совершенно не представляю, что мне теперь делать.

Она понимала, что с точки зрения следствия является идеальной подозреваемой. Бывшая любовница сообщает, что за двести километров от дома совершенно случайно увидела из окна поезда труп своего возлюбленного. Ну кто в здравом уме и твердой памяти в это поверит?

Ей было мучительно жаль Вахтанга, который, при всех своих недостатках, был добрым и талантливым человеком. С ним была связана не очень удачная, но вполне счастливая пора ее жизни. Ни до, ни после Вахтанга никто не ухаживал за ней так красиво и самозабвенно, как он. Несмотря на то что она в последний год почти не вспоминала про него, Вася понимала, что, черт побери, до сих пор его любит. Этого горячего кавказского красавца с безудержным темпераментом, безупречным воспитанием и бешеной харизмой не так-то просто было разлюбить. По сравнению с ним все остальные мужчины, которые окружали Василису Истомину, выглядели снулыми рыбами, и именно этим объяснялся тот факт, что, несмотря на весьма привлекательную внешность и спокойный характер, она до сих пор оставалась одна.

– Че-то ты, девка, смурная, – заметила мама, открыв Васе дверь и пропуская ее в квартиру. – Устала или случилось чего?

– И то, и другое, – ответила Василиса, снимая босоножки. – Я четыре ночи подряд дежурила, так смены выпали и в больнице, и на «Скорой», так что устала,

конечно. Но и случилось.

– Зачем же ты так себя работой изводишь, доченька? – испуганно спросила мама, как всегда тоненькая и невообразимо прекрасная, с привычной тревожностью в огромных глазах, делающих ее похожей на олененка. Всегда, когда Вася думала про свою маму, перед глазами вставала Одри Хепберн. Мама как нельзя лучше ассоциировалась с «Завтраком у Тиффани», вот только кота ей не хватало для полного сходства образов.

Советоваться с мамой было категорически нельзя. У нее была, как это называла бабушка, «летучая» психика. Василиса предпочитала более медицинский термин – психическая лабильность. В их женском триумvirате мама была самым нестойким, самым слабеньким звеном. Она тревожилась по любому пустяку, легко впадала в панику, могла расплакаться из-за увиденного по телевизору новостного сюжета про брошенного или раненого ребенка. У нее вообще частенько глаза были на мокром месте. Сколько Вася себя помнила, мама никогда сама не принимала даже самого пустякового решения. В их семье все всегда решала бабушка Маша. Ну и Василиса, когда выросла.

Известие об увиденном из окна поезда труп маме могло оказаться не по силам. Но, пожалуй, впервые в жизни Васе тоже нужно было выговориться, сбросить тяжкий груз, который уже неделю как давил и давил ей на плечи. В конце концов Вахтанга мама не знала, поэтому особо расстроиться из-за его гибели не могла. А Васе нужен был если не совет (что могла посоветовать непрактичная мама?), то хотя бы участие.

– Так что же случилось? – Голос мамы дрогнул, как и длинные загнутые ресницы. Было видно, что ей не очень-то хочется слышать ответ. Васины потенциальные неприятности выводили ее из привычного безмятежного состояния, но дочь она очень любила, поэтому, усевшись на кухне на табуретку и налив тарелку холодного белорусского свекольника, все-таки задала этот вопрос.

– Понимаешь, я ехала в Москву и после Сергиева Посада в окно поезда увидела, что в лесу лежит человек. М-м-м, вкусно как, – последнее относилось к отправленной в рот ложке свекольника, который Вася обожала с детства. – В общем, я через начальника поезда добилась, чтобы туда в лес отправили спасателей, потому что человеку могло быть плохо, понимаешь?

- Конечно, - мама кивнула. - Это абсолютно естественно, Васенька.

- В общем, выяснилось, что тот человек в лесу, он уже умер, точнее, его убили. То есть в окно я уже видела труп.

- И теперь в полиции считают, что ты его не случайно увидела, а знала, что он там? - проницательно спросила мама.

- Да.

- Но девочка моя, это очень быстро прояснится. Понятно же, что ты не могла знать, что в двухстах километрах от твоего дома убили совершенно незнакомого тебе человека. По-моему, ты зря переживаешь.

- Так в том-то и дело, что знакомого, - Василиса дернула ложкой, и на ее белые штаны выплеснулся свекольный фонтанчик. В ажиотаже она этого даже не заметила. - В том-то и ужас, мамочка, что я очень хорошо знала этого человека. Я вам с бабушкой не рассказывала, но пять лет назад у меня начался роман. Мы сначала с ним дружили, потом начали встречаться, а потом даже жили вместе. Правда, дальше нам пришлось расстаться, и последние три года мы виделись случайно и не имели друг к другу никакого отношения, но из песни слова не выкинешь. Я из окна поезда увидела труп, и надо же было такому случиться, что это был труп именно Вахтанга.

- Вахтанга? - Мама на удивление спокойно пережила известие о том, что ее скрытная дочь жила с мужчиной в гражданском браке, ничего ей не сказав, и лишь необычное имя вызвало у нее искру удивления.

- Да. Он грузин. Его звали Вахтанг Багратишвили, он режиссер местного театра драмы. - Тут она заметила малиновое пятно на брюках и озабоченно вздохнула. - Ну так я и знала, что обязательно испачкаюсь! Мам, дай солонку, я присыплю пятно.

Мама не двинулась с места, и Василиса перевела на нее взгляд с пятна на штанах. Лицо у мамы стало напряженным и плоским. Казалось, на нем стерлись все тени. Несмотря на ее полную непригодность к жизни, непрактичность, нерешительность и готовность к панике, такое лицо Василиса видела у нее лишь однажды.

Ей тогда было три года. Говорят, что дети помнят себя лишь с пяти лет. Так вот Вася точно знала, что это неправда, и знала именно на основе вот этого первого своего воспоминания, в котором ей было ровно три года. Именно на день рождения бабушка с мамой подарили ей куклу. Настоящую немецкую куклу, в которой в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году не было бы ничего удивительного даже в их деревне, если бы не одно обстоятельство. Кукла была мальчиком. Крепкий пупс в штанишках на лямках, клетчатой рубашке и заливчатской кепке, надетой на вихрастый чуб, подмигивал своей маленькой хозяйке озорными синими глазами и говорил «мама», если его укладывали на спинку.

Василиса ему так обрадовалась, что не выпускала из рук целый вечер, кормила с ложечки, бесконечно выслушивала «мама», извлекаемое из недр пластмассового тельца, а перед тем как пожелать маме и бабушке спокойной ночи, уверенно заявила, что Адя будет спать с ней.

– Как ты его назвала? – переспросила мама, которой показалось, что она ослышалась.

– Адя, – твердо ответила маленькая Вася. Она и сама не знала, откуда всплыло у нее это странное и чудное имя. Но пупса звали Адя, в этом она была абсолютно уверена.

Услышав это имя, мама как-то посерела и побледнела одновременно, и лицо ее стало стертым и смазанным, как непропеченный блин. Вася испугалась, конечно, потому что уж очень незнакомой стала мама, и вышла из комнаты нетвердой походкой, держась рукой за стенку, и в сенях загремела ведрами с водой, на которые упала в глубоком обмороке.

Адей Василиса больше никогда не играла. Даже в руки его не брала. Он много лет сидел на сундуке, стоявшем напротив ее кровати. Он и сейчас все еще оставался в их деревенском доме, в который на лето уезжала бабушка и в который они с мамой навещали при первой же возможности. Василиса мимоходом подумала, что уже больше месяца не ездила в деревню, привычно устыдилась, что не проводит бабушку, но тут же ее мысли вернулись к непонятному испугу, сковавшему лицо мамы.

– Грехи отцов падают на головы их детей, – непонятно сказала мама, тяжело поднялась с табуретки и, так и не подав дочери соль, пошла к выходу, как и тогда, в Васином детстве, держась рукой за стенку. Споткнулась на полпути и начала валиться на пол в обмороке, и упала бы, не подхвати ее Василиса.

Подтащив маму к дивану, она уложила ее, благо мама была худенькая и легкая. По крайней мере, Васе с ее опытом работы на «Скорой» и в операционной это было совсем не трудно. Нашла в аптечке ампулу с нашатырным спиртом, намочила ватку и сунула маме под нос. По комнате поплыл резкий, ни на что другое не похожий запах.

– Как вы с ним познакомились? – спросила мама, едва открыв глаза. – Расскажи мне, как вы стали близки.

Вася прикусила губу, не понимая, чем вызван этот интерес. Мама никогда не питала любопытства к интимным сторонам жизни. Василиса иногда даже думала, что родилась у нее путем непорочного зачатия. По крайней мере, глядя на маму, поверить в это было очень легко.

Лето, жаркое, волнующее лето пятилетней давности снова нахлынуло на нее, заставляя вспоминать поездки на велосипеде, прогулки по пыльным улицам, неспешные разговоры о театре, литературе, вообще об искусстве, ледяной квас из бочек, охлаждающий измученное жарой горло, фонтан в городском парке, под брызги которого Василиса пыталась подставить разгоряченные плечи.

В парк они заехали, чтобы спрятаться от жары. Она в то лето стояла какая-то особенная. Несмотря на то что август уже подходил к концу, лето не сбавляло обороты. Днем столбик термометра поднимался к отметке в сорок градусов, вечером даже в тени все равно было больше тридцати.

Улицы стояли пустыми, люди прятались в кафе под кондиционерами, поэтому в половине одиннадцатого парк был безлюден. Кроме Василисы и Вахтанга, здесь никого не было. Спустив Васю с рамы, Вахтанг спешил сам, аккуратно прислонил велосипед к бетонному боку фонтана, зачерпнул полные пригоршни воды и с наслаждением вылил их себе на грудь.

Тонкая рубашка, моментально промокнув, прилипла к мощному торсу, и Василиса вдруг сглотнула, увидев рельефно очерченные мышцы. Этот мужчина

действовал на нее бесстыдным образом. Она уже давно мечтала о том, чтобы он перестал быть ей только другом, но его, казалось, подобное положение вещей вполне устраивает, а навязываться она не хотела. Не так была воспитана.

Она не могла ему признаться, что не спит ночами, пытаюсь понять, отчего он к ней так равнодушен. В конце концов она не была ни кривая, ни косая, ни убогая. Вполне себе нормальная среднестатистическая женщина, даже хорошенькая. Но факт оставался фактом: прижимая ее к себе на раме велосипеда, Вахтанг оставался спокоен, невозмутим и совершенно не взволнован ее скромными прелестями.

«Как голубой, честное слово!» – сердито подумала Василиса, брызгая водой из фонтана теперь уже себе на грудь и блаженно зажмуривая глаза от спасительной прохлады.

Нежданная мысль зацепилась в мозгу, заставив тут же распахнуть глаза во всю их ширь. Это действительно многое объясняло! Василиса, пусть и понаслышке, но знала, что геи – отличные друзья, а Вахтанг вел себя с ней именно как верный и надежный друг.

– У тебя глаза сейчас как блюдца, – засмеялся ее товарищ, увидев ее лицо. – Ты что, русалку в фонтане увидела?

– Вахтанг, – выпалила она в ответ, нимало не задумываясь о том, что поступает неприлично, – скажи мне правду, ты гей?

– Кто я? – Изумление на его лице было таким неподдельным, что она на миг растерялась, но привычка все доводить до конца победила.

– Ты гомосексуалист? Скажи мне, я к этому вполне спокойно отношусь.

– К чему ты вполне спокойно относишься? – Голос Вахтанга стал наливаясь гневом. Василиса за несколько месяцев их знакомства уже знала, что человек он взрывной и вспыльчивый, а потому растерянно отступила на шаг.

– К однополый любви. Ну, то есть я не лесбиянка, я не в этом смысле, я в том только, что, когда другие люди любят друг друга, несмотря на то что они

однополые, я не против и... – она окончательно запуталась и опустила плечи под его сердитым, но в то же время ироническим взглядом.

– А с чего тебе в голову вдруг пришло, что я могу быть геем? – спросил он, оглядывая себя сверху вниз. – Мне кажется, во мне нет ничего такого, что позволяло бы это заподозрить.

– Ну, мы с тобой проводим вместе столько времени, – замямлила готовая провалиться сквозь землю Василиса. – А ты вообще не обращаешь на меня никакого внимания. Ну, как на женщину, я имею в виду... – от стыда у нее загорелись щеки, на глаза навернулись слезы, и она, закрыв лицо руками, расплакалась.

– Дурочка, – Вахтанг обнял ее, и она вся уместилась в уютном и надежном кольце его рук. – Ну конечно, я не голубой. Я очень даже горячий любитель женщин. Просто ты такая беззащитная, как воробушек, я боялся тебя обидеть своим кавказским темпераментом. А вижу, что обидел невниманием, прости.

Он требовательно поднял к себе ее залитое слезами лицо и поцеловал в губы. Поцелуй из нежного очень быстро стал настойчивым и жарким, ошеломленная Василиса почувствовала его язык у себя во рту. Он нескромно обследовал пещеру, в которую попал, проводил по маленьким острым зубкам, переплетался с ее языком, робко принимающим неожиданную ласку, исследовал пересохшие то ли от жары, то ли от желания губы. Василиса стонала под этим мощным натиском, испытывая неизведанные доселе ощущения.

«Так вот это как, оказывается», – смятенно думала она и вдруг почувствовала, что падает. Судорожно вцепившись в крепкие плечи Вахтанга, она поняла, что лежит на нем сверху, прямо рядом с бетонным ограждением фонтана. Журчала вода, сверху падали мелкие и колкие прохладные брызги, не остужая, а еще больше горяча кровь. В ушах грохотал набат.

Краем ускользящего сознания Василиса отметила, что Вахтанг задирает на ней сарафан, отбрасывает в сторону порванные трусики.

– Ты что делаешь? – застонала она, пытаясь выдраться из его крепких пальцев, держащих ее за бока. – Тут же люди ходят. Увидят.

– Я доказываю тебе, что я не голубой, – прошептал он ей прямо в ухо, после чего с силой вылизал его, прикусив нежную розовую мочку зубами. – Тут нет никого. Только ты и я. И мне совершенно все равно остальное. Только ты и я, поняла?

Он сделал неуловимое движение, приподнял ее все за те же бока и с размаху насадил на себя, заставив вскрикнуть сначала от боли, а потом от столь же острого наслаждения.

– Поняла, – простонала она, отдаваясь на волю заданного им ритма и забывая о том, что кто-то может их увидеть в старом пустынном полуночном парке, кроме заходящего солнца, бросающего прощальные взгляды в мерную рябь фонтана.

1951 год

Василий лежал на верхней полке и бездумно смотрел в окно. Пейзаж за ним был уныл и однообразен. Казахские степи – выгоревшие под палящим августовским солнцем, сменялись песочными дюнами, похожими на солончаки, на которых глаз вообще не выхватывал ничего живого.

Поезда Ленинград – Москва и Москва – Алма-Ата. Более семи суток в дороге. И если сначала Василий с интересом следил, как скромная, немного стесняющаяся северная природа за окном сменяется средней полосой с ее яркими ярмарочными красками, то потом выжженные степи и бесконечный песок не вселяли ничего, кроме уныния, от которого стиралось даже природное Васино любопытство. Всю жизнь он был жаден до новых впечатлений, но неделя, проведенная в прокуренном жестком вагоне, не располагала ни к каким новым впечатлениям.

Василий без всякого интереса к окружающей его архитектуре и новым людям выходил на полустанках, чтобы купить горячей картошки у спящих перед вагонами старух. Безучастно покупал первое попавшееся, расплачивался и уходил обратно в вагон, забирался на свою верхнюю полку и снова бездумно смотрел в безразличную, чужую даль, терпеливо ожидая конечного пункта своего путешествия. Из Алма-Аты еще нужно было добраться до Джамбула, где, как с огромным трудом удалось узнать, жил Генрих Битнер.

Первые попытки выяснить, куда выслали семью его друга, он предпринял сразу по возвращении с фронта – осенью сорок пятого. Но все его усилия разбивались о глухую стену, пока однажды ему очень настойчиво не порекомендовали прекратить поиски и не порочить свое имя связями с врагами народа и пособниками немецко-фашистских захватчиков. Услышав такое про Генриха, Вася чуть в морду не дал толстому, оплывшему энкавэдэшнику, с которым разговаривал. Но сдержался. В конце концов ему нужно было найти Генриха, а не самому загреметь в лагерь.

Надежда повернулась к нему лицом только сейчас, спустя шесть лет. Василий удачно прооперировал язву человеку, оказавшемуся крупным милицейским чиновником.

– Проси что хочешь, – сказал чин, выписываясь из больницы. Василий только уж было собирался махнуть рукой, что ничего ему не надо и mzды он за врачевание не берет, как вдруг его осенило.

– Мне бы узнать, куда друга моего выслали, – скрывая неуверенность в голосе, попросил он. – Он немец. Весной сорок второго года всей семьей их из Ленинграда отправили. Знаю, что сначала в Череповец, а потом в Казахстан. Мне бы точный адрес узнать.

Высокопоставленный пациент крякнул с досады, но обещание «проси что хочешь» выполнил. Меньше чем через неделю Вася держал в руках бумажку с адресом Генриха и Магды Битнер, а спустя еще пять дней, оформив отпуск и купив билет на поезд, взгромоздился на верхнюю полку жесткого вагона, который, грохоча колесными парами, повез его к другу, с которым он расстался десять лет назад.

Генрих выглядел плохо, очень плохо. Все такой же высокий, он казался сгорбленным из-за того, что сильно сутулился. Впалая чахлая грудь неровно вздымалась под тонкой, ослепительно белой рубашкой. Он стал совсем худым, таким худым, что было совершенно непонятно, как держится душа в этом измученном, словно умноженном на ноль теле. Не нужно было быть врачом, чтобы понимать, что Генрих болеет сильно и давно и что болезнь эта подтачивает его силы, каждый день унося их частицу и приближая естественный конец. С горечью Василий понял, что чуть не опоздал, поскольку жить его другу осталось совсем недолго.

Генрих встретил Василия не то чтобы безрадостно, а скорее безучастно.

– А, это ты, проходи, – сказал он, открыв дверь, и отступил в дверной проем, будто они виделись только вчера и нет в этом визите ничего необычного.

– Генка! – У Василия сжалось горло, и он, сделав шаг, вошел в маленький домик, построенный из самодельных кирпичей. – Генка, ты что, мне не рад, что ли, совсем?

– Рад, – голос Битнера прозвучал тускло и невыразительно. – Я, конечно же, рад тебе, Васька. Я просто как-то разучился выражать свою радость. Последние десять лет ничего этому не способствовало, ни капельки.

Из маленькой, на два шага, кухни выглянула Магда. То есть Василий догадался, что это Магда, потому что узнать в этой худой изможденной женщине, почти старухе, веселую, пухленькую хохотушку Магду Шеффер было практически невозможно.

Василий напрягся, прикидывая, сколько ей сейчас может быть лет, по всему выходило, что не больше сорока, а выглядела она на шестьдесят, не меньше. Рот ее был сурово сжат, она слегка, как будто нехотя, кивнула Василию, давая понять, что узнала его, но не сказала ни слова и тут же скрылась за стенкой, ожесточенно гремя кастрюлями.

– Генка, если бы ты знал, с каким трудом я тебя нашел! – быстро и жарко заговорил Вася, которому дик и непривычен был такой прием ранее теплых и радушных Битнеров. Перед ним были чужие, незнакомые люди, и он с тоской подумал, что начавшаяся десять лет назад война забрала у него не только Анну, но и Генриха.

– Не удивляюсь, – слегка пожевав тонкими бескровными губами, сказал Битнер. – Там, в Ленинграде, наверное, нас вообще считают мертвыми, предпочитая не вспоминать, что мы есть. Я скорее удивляюсь тому, что ты вообще меня нашел. Что тебе дали это сделать. Ты же, поди, герой войны, а я кто? – В его голосе просквозила горечь. – Я немецкий шпион, пособник фашистов, так это, кажется, называется.

– Перестань, – Василий поморщился. – Ты мне-то зачем это говоришь, Генка? Я никогда не считал тебя хуже себя. И сейчас ничего не изменилось.

– Изменилось, Васька, изменилось. Мы изменились, ты, я, это главное. Да что об этом говорить? Я действительно рад тебя видеть. Расскажи, как ты живешь? Врач? Жена, дети?

– Врач, – по лицу Василия пробежала легкая тень, которую Генрих тем не менее заметил и удивленно приподнял брови. – Работаю в Александровской больнице, помнишь такую?

– Помню, – Генрих криво усмехнулся, – мне Ленинград все эти годы каждую ночь снится. Глаза закрываю и вижу Неву, Литейный, коней на Аничковом мосту. Александровская больница, на Фонтанке которая, да? Только она же не Александровская, а имени 25-го октября? – он снова усмехнулся.

– Да, но ее весь город Александровской называет, – Василий пожал плечами. – В общем, я там в институте практику проходил, у Лемешева, удивительный доктор, хирург отличный, старая школа. После войны меня к нему работать и направили. Так что повезло мне, он меня оперировать научил.

– Можно подумать, ты на фронте не научился.

– На фронте я кромсал, а Николай Петрович меня научил именно оперировать. А насчет семьи... – он немного помолчал. – Нет у меня никого, Генка. Я так и не смог Анну забыть.

– Десять лет прошло, – Генрих тоже помолчал. – Как будто в другой жизни это все было: папа, Анна, ты... Помню только, как мы сюда ехали в вагонах для скота. Голодные, худые, с трудом первую блокадную зиму пережившие. Мама в поезде умерла, не выдержала. На полустанках трупы десятками сгружали. Нас же тоже почти не кормили. Мы недели три ехали, подолгу на каких-то полустанках стояли. Без воды, без хлеба. На весь вагон в пятьдесят человек – одно жестяное ведро для естественных надобностей. И для мужчин, и для женщин. Печка была, «коза», только ее не топил никто.

Здесь нас привели в чистую степь и бросили, сказали, живите как хотите. Хорошо еще, что весна была, тепло, а то зимой мы бы подошли сразу, тут же

морозы до сорока градусов бывают. Своими руками дома строили. Сначала кирпичи лепили, знаешь, как это делается? Сейчас научу. Берешь солому, обмазываешь ее глиной и навозом и формуешь блоки, которые потом на солнце сохнут. Воняют, правда, страшно, но на это чего ж смотреть. Мы и не смотрели. Вот дом у нас я сам и построил.

Так что не помню я прошлой жизни, Васька, и ты забудь. Анну забудь. Живи на полную катушку, ты еще молодой, она у тебя еще только начинается. Жена тебе нужна, дети. У нас-то с Магдой, кстати, есть хлопчик. Адя, иди сюда, – позвал он, и из второй комнатки, скрытой за чистой ситцевой занавеской, показался худенький подросток с белой кудрявой копной волос.

– Адя? – переспросил Василий.

– Ну да, Адольф, – рот Генриха перекосила горькая улыбка. – Когда Магда рожала, я как раз в больницу попал, туберкулез у меня открылся. А нас же тут никто иначе чем фашистами и не звал. В общем, выписался я из больницы спустя полгода и обнаружил, что Магда, озлобившись, сына Адольфом назвала. В честь Гитлера то есть.

– Да ты что? – потрясенно прошептал Вася, Магда на кухне еще ожесточеннее загремела ведрами. – Что ж ты его по-другому не переписал? В каком году он родился?

– В сорок третьем.

– Генка, в сорок третьем году назвать сына Адольфом... Когда еще по всей стране похоронки вовсю приходили, и перелом после Сталинграда еще совсем не очевиден был. Зачем???

– Чтобы память осталась. О том, как мы жили все эти годы, – голос Генриха стал вдруг суров и грозен. – Я-то, как видишь, все еще копчу небо, да недолго осталось. – Генрих закашлялся, и Василий с ужасом увидел, что на белоснежном платке, таком же белоснежном, каким всегда было белье в доме у Битнеров, выступила кровь.

– У тебя открытая форма? – спросил он.

– Да, то в больнице, то вот домой отпускают. Сделать уже ничего нельзя. Помру я скоро, Васька. Я ведь за жизнь держался только для того, чтобы тебя увидеть. Знал, что доведется. Ты вот что мне скажи, Анзор жив?

– Жив. Военврач, как я. Только уже полковник. Он после войны в армии остался. Не стал демобилизовываться. Сейчас в Азербайджане, военным госпиталем под Баку командует. Списываемся мы с ним регулярно. Год назад женился, недавно сын у него родился. Гурамом назвали.

– Вот и прекрасно. Это здорово, что он жив, Васька. Я ведь его сокровища Наполеона сохранил.

– Как? – ахнул Василий. – В таких условиях?

– Так что условия, – Генрих снова криво усмехнулся и откашлялся в свой белоснежный платок. – Во все времена главное – это люди, а не условия.

Кряхтя, он встал на колени перед старым разбитым деревянным диваном, пошарил под ним рукой и вытащил самодельный соломенный кирпич, такой же, из каких были сложены стены их домика. С размаху бросил кирпич об пол, да еще для верности наступил на него каблуком. Глина и куски высохшего навоза разлетелись в разные стороны, и взору Василия открылась завернутая в газету тугая колбаска с серебряными монетами с ликом Петра Второго, в прошлой жизни, 22 июня 1941 года, переданная Генриху Анзором.

– Как же тебе удалось их сохранить? – удивленно прошептал Василий. – В блокаду, при депортации? Вас же обыскивали наверняка.

– Обыскивали, да при небольшой смекалке такую колбаску спрятать нетрудно. Мне Анзор поручил ее сберечь, я сберег. Все просто.

– Генка, – Василий в изнеможении опустился на деревянную лавку. – Вы же так тяжело жили все эти годы. Анна в блокаду с голода умерла, отец твой, потом здесь... Что же ты ни одной монеты на продукты не обменял, дурья твоя башка? Разве ж Анзор был бы против?

– Чужое брать не приучены, – отрезал Генрих. – Один раз я, правда, смалодушничал, когда Адька болел сильно. Скарлатина у него была, думали, помрет. И я предложил Магде одну монету на рынок снести. Ух как она меня отчихвостила!

Василий с горечью посмотрел на вошедшую в комнату с чайником в руках Магду, так не похожую на ту хохотушку, на чьей свадьбе с Генрихом он впервые выпил водки и уснул во дворе Битнеров. Поймав на себе его взгляд, Магда мрачно буркнула без тени улыбки:

– На чужом добре свое счастье не построишь. Чужое – оно и есть чужое. Бог дал, Адя и сам поправился.

– Генка, – Василий с нежностью смотрел на своего старого друга. Болезнь и лишения не исказили благородных черт его худого лица. – Я уверен, что за то, что ты сохранил эти монеты, Анзор тебе будет по гроб жизни благодарен. Он про них, думаю, даже и не вспоминает, потому что уверен, что в том горниле, через которое мы все прошли, они уже давно безвозвратно потеряны. Они для него много значат, так что он обрадуется, это точно. Дело даже не в том, сколько они стоят, этого я как раз не знаю. Но для него это память о предках. А для грузин это святое, сам понимаешь.

– Память о предках – святое для любой нации, – с горечью перебил Генрих. – Вот только о трагедии немецкого народа еще много лет нельзя будет говорить вслух. Что с нами сделали, Васька! – он вдруг заплакал. – Мой прапрадед в Питер в 1820 году приехал. А я город, в котором родился и вырос, перед смертью даже не увижу. Я ведь каждую мелочь помню, каждую улицу. И дождь. Помнишь, как мы жаловались, что в Ленинграде все время дождь? А сейчас я на этой раскаленной жаре дышать не могу и все время представляю на своем лице капли ленинградского дождя.

– Генка, – Василий уже все решил и был настроен решительно. – Давай отсыплем часть монет для тебя и твоей семьи. Я знаю Анзора, он не будет против.

– Нет, Вася. Ты заберешь все монеты и при первой же okazji вернешь их Анзору. Если он захочет, то сможет приехать ко мне или к моей семье, если меня уже не будет, и поступить так, как считает нужным. Но брать чужое без спросу мы не будем. Ни ты, ни я.

– Так ты сам их ему отдашь тогда, – упрямо сказал Василий. – Я ему напишу, где ты и как тебя найти. Он приедет, и вы с ним все решите.

– Нет, – Генрих покачал головой и слабо улыбнулся. Улыбка осветила его бледное лицо и даже на минуту разгладила черные тени под глазами. – Нет, Вася. Я, скорее всего, не доживу. Поэтому ты увезешь монеты с собой. И не о чем тут больше говорить.

Поезд шел через казахстанские степи. Лежа на верхней полке, Василий снова бездумно смотрел в окно, но ничего не видел. Перед глазами стояло худое лицо Генриха с больными, яростно горящими глазами. В ушах звенел его голос: «Что же они с нами сделали!»

Больше Василий Истомин никогда не видел своего друга. Генрих Битнер умер от легочного кровотечения спустя пять месяцев после визита Василия в Казахстан. Об этом его уведомила телеграммой Магда. Адрес он оставил Генриху, перед тем как уехать.

– Ты все там же живешь? – спросил друг, мельком взглянув на бумажку.

– Да. – Вася вздохнул, чувствуя почему-то нечеловеческую усталость. – Родительский дом женщине одной отдали. Вдове фронтовика. Ее Верой зовут. Я у нее и живу. С ней, – поправился он и, видя понимающий взгляд друга, добавил: – Она хорошая. Старше меня сильно, да это не важно. Я, когда о смерти Анны узнал, замерз весь внутри. А возле нее пусть немного, но теплее. Дочка у нее опять же, Иринка. Четырнадцать лет уже. И вопросов ко мне меньше. Молодой здоровый мужик не должен бобылем жить. Подозрительно это.

– Да не оправдывайся ты, – тихо сказал Генрих. – Я же все понимаю. Не каменный.

По адресу Веры и прислала телеграмму Магда и больше не ответила ни на одно его письмо. Как будто за какие-то неведомые грехи просто вычеркнула из жизни.

Глава 5. Миг между прошлым и будущим

Настоящий мужчина либо уже женат, либо слишком занят работой.

Жюльетт Греко

Наши дни

На похороны Вахтанга Василиса не пошла. Понимала, что не по-людски это – не попрощаться с человеком, которого ты когда-то любила, но пересилить себя не смогла. Вахтанг – подвижный, стремительный в движениях, озорной и непоседливый Вахтанг – не мог ассоциироваться с лежащим в гробу телом. Она хотела, чтобы в памяти он остался именно таким, каким был – с бьющей через край энергией и неукротимым желанием жить.

В местной газете «Курьер», которая всегда была в курсе городской жизни и громких скандалов, писали, что на похороны должны приехать родители погибшего. Вася вспоминала, как он рассказывал про них – с любовью и в то же время с легкой иронией. Ей так и не довелось познакомиться с ними воочию, и видеть этих достойных людей, двух профессоров, согнутых непосильным горем, не хотелось так же сильно, как и видеть стоящую у гроба жену Вахтанга.

Жена Вахтанга. Это словосочетание несколько лет казалось Василисе диким. Даже сейчас боль, которую наносили эти слова, не утихла и продолжала ныть под тонкой корочкой, казалось бы, зажившей ранки на душе.

После бурного романтического свидания у фонтана в парке у них с Вахтангом начался столь же бурный роман. Любовником он оказался пылким и страстным, правда, не всегда нежным. Василисе вовсе не нравилось разглядывать синяки, то и дело появляющиеся после свиданий то на руках, то на бедрах, то на попе.

Забываясь в экстазе, Вахтанг мог так отхлестать ее по ягодицам, что потом несколько часов было больно сидеть. Ей это не нравилось, о чем она попробовала ему робко сказать, и он тут же начал извиняться, клясть себя последними словами и уверять, что больше такого не повторится. Проходило время, и у него вновь не получалось удержать себя в руках, и вновь на теле Василисы оставались следы его страсти. Это было неприятно, но терпимо. Во всех остальных смыслах Вахтанг представлял собой просто идеал любовника – внимательного, предупредительного, щедрого, готового на красивые

романтические безумства.

В тот год он как раз и пристрастил Васю к московским театрам. Они срывались в столицу на спектакли иногда по два раза на неделе, так часто, как позволяли Василисины дежурства. Кстати, он решительно уговаривал ее бросить вторую работу. Дежурства на «Скорой» действительно выматывали, но Василиса привыкла в финансовых делах рассчитывать только на себя, поэтому на все заверения, что он будет помогать ей деньгами, если она уволится, отвечала вежливым, но решительным отказом.

Так же щепетильна она была и в вопросах ведения совместного хозяйства. Впервые Вахтанг предложил ей съехаться чуть ли не на завтра после сцены у фонтана. Однако Васе понадобился почти год, чтобы согласиться перевезти вещи в его квартиру.

Гражданский брак, как бы это ни было старомодно, она не приветствовала. Вася не была ханжой, поэтому понимала, что для того, чтобы спать вместе, мужчине и женщине не обязательно надевать кольца под марш Мендельсона, но в то же время ведение совместного хозяйства считала возможным только после свадьбы. Предложения же Вахтанг ей никак не делал.

Иногда, лежа ночью без сна, Вася думала о том, действительно ли ей хочется стать его женой. Ответа на этот вопрос у нее не было. С одной стороны, она видела, что к этому все идет. Это закономерно вытекало из отношений, которые между ними складывались. С другой стороны, законной супругой Вахтанга, носящей фамилию Багратишвили, она себя представить никак не могла. Не из националистических убеждений, упаси господь, но вот казалось ей, что ее суженого будут звать как-то по-другому.

Именно поэтому она и не настаивала на том, чтобы быть представленной родителям Вахтанга или познакомиться с его детьми. От погибшей в автокатастрофе жены у него остались двое детей – четырех и двух лет. Жили они у дедушки с бабушкой.

– А ты почему сам детей не воспитываешь? – как-то любопытствовала Василиса.

– Какой из меня отец? – он горько усмехнулся. – Мама – психолог, она может им дать все необходимое. А я – перекасти-поле. То один театр, то другой. Сегодня здесь, завтра там. Работа до полуночи. Гастроли. Да и вообще. Я не могу на них смотреть без слез, так они мне жену напоминают. Станут постарше, тогда уж.

От мысли, что он может переехать в другой город, у Василисы сжалось сердце. Она действительно раньше не думала о том, что творческая профессия подразумевает свободу перемещений, что в любой момент Вахтангу могут предложить возглавить труппу в любом другом театре страны, в том числе и в столице, и он, ничем не удерживаемый в их городе, уедет, оставив ее одну.

Пожалуй, именно эта горькая мысль и заставила ее согласиться на его уговоры и все-таки съехаться под одной крышей. Снова стояло лето, и жаркий предгрозовой ветер гнал по улицам тополиный пух, когда она загрузила в такси несколько чемоданов со своими вещами и нырнула в новую жизнь, так и не став Вахтангу законной женой.

Положа руку на сердце, сказать, что после этого что-то принципиально изменилось, было трудно. Утром она вставала, когда он еще спал, и убегала на работу, стараясь не греметь чашками. После работы она покупала продукты и готовила ужин, дожидаясь его дома, если они не договаривались куда-нибудь сходить или съездить, или мчалась в театр или на вокзал, если они куда-нибудь отправлялись.

С вечерних спектаклей он возвращался не раньше десяти вечера, когда хронически не высыпающаяся из-за дежурств Василиса уже клевала носом. Они ужинали, занимались любовью, а потом она все-таки засыпала, не дожидаясь, пока он уляжется в постель. Проснувшись от какого-то звука, она в полудреме видела, как Вахтанг смотрит какой-нибудь фильм в Интернете, ероша волосы, читает новый сценарий или азартно «режется» в танчики. Спать он ложился в два, а то и в три часа ночи, когда Василиса уже находилась в глубоком и ровном сне.

Встав в шесть утра, она с нежностью вглядывалась в его молодое, красивое, породистое лицо и нет-нет да и задумывалась, могут ли люди со столь разным жизненным укладом и распорядком дня жить одной семьей.

То, что Вахтанг меняется, она заметила не сразу, а оценила и сформулировала и того позже. Он стал гораздо резче разговаривать с нею. В его голосе то и дело мелькали собственнические нотки. Он указывал ей, что носить, а что не стоит. Выказывал недовольство, если она после работы отправлялась на встречу с подругами. Устраивал сцены ревности из-за брошенного в ее сторону взгляда случайного прохожего. Все чаще он был раздражен или недоволен. Раздражение и недовольство были вызваны именно ею, Василисой.

Первый звонок, который заставил ее задуматься и серьезно с ним поговорить, прозвенел в октябре. Вася тогда уехала в деревню, где на тот момент еще жили не переехавшие к ней поближе мама и бабушка. Квартира в соседнем доме была уже куплена, но решиться на окончательный переезд они все еще не могли, хотя Вася и работу маме уже подыскала – в поликлинике той же больницы, где работала сама. Василиса маму с бабушкой особо не торопила, потому что не представляла, как объяснит им, что живет не дома, а у Вахтанга.

В деревню она поехала, отпросившись с работы на пятницу и вернувшись в субботу вечером. Вахтанга дома не оказалось. Не успела она разобрать сумку, выгрузить банки с солеными огурцами и квашеной капустой, картошку и морковку, любовно собранную мамой для дочки, как ей позвонила подружка.

С Лидкой они познакомились на абитуре, когда вместе, трясаясь от страха, сдавали вступительные экзамены. Василисе с ее золотой медалью нужно было сдать только один, но обязательно на «пять», что она и сделала. Лидка же сдавала все три, и Вася, успевшая привязаться к конопатой смешливой девушке, приходила ее поддержать в дни остальных испытаний.

Лидка была местная, и у нее дома Василиса частенько оставалась ночевать, отдыхая от общежитских будней. На втором курсе подруга выскочила замуж за их однокурсника – долговязого вихрастого Славку, помешанного на медицине и едва заметившего, что он, оказывается, женился. В конце третьего курса у них родилась дочка, которую называли Лизой, и после этого подруга осознанно выбрала специализацией педиатрию.

Дружба их прошла испытание временем и Лидкиным семейным счастьем. Они встречались не часто, но созванивались почти ежедневно, будучи полностью в курсе жизни друг дружки. Лидка была единственным человеком, который знал про роман Василисы с Вахтангом. Остальным знакомым Вася про это не рассказывала, так как с детства была человеком довольно скрытным и

замкнутым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/klyuch-ot-nezapertoy-dveri

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)